

Жан-Франсуа ЛИОТАР

состояние постмодерна

GALLICINIUM

GALLICINIUM

S/Λ

Ouvrage réalisé avec l'appui et le soutien du Ministère français
des Affaires Etrangères, du Centre Culturel Français de Moscou.

Jean-François LYOTARD
la condition postmoderne

LES ÉDITIONS DE MINUIT

Жан-Франсуа ЛИОТАР
СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА

Перевод с французского Н. А. Шматко

«Институт экспериментальной социологии», Москва
Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург

1998

ББК 87.4

Л 60

Книга известного философа Жана-Франсуа Лиотара (р. 1924 г.) стала за годы, прошедшие со времени ее первой публикации, классической. В ней освещаются вопросы знания, его состояния и модели легитимации в постсовременную эпоху, а также различные типы языковых игр и их прагматика. Автор исследует, каким образом в наше время может легитимироваться социальная связь, что происходит с идеей справедливого общества, может ли результативность и эффективность системы быть целью познания и развития общества.

Для преподавателей философии, а также для студентов и аспирантов, специализирующихся в области общественных наук. Представляет интерес для специалистов — философов, социологов, филологов, искусствоведов и широкого круга интеллектуалов.

Издание осуществлено при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Французского культурного центра в Москве, а также Издательства Центрально-Европейского университета (CEU Press) и Института «Открытое Общество»

ISBN-5-89329-107-7

9 785893 291070

©Les Éditions de Minuit, 1979

©Издательство «Институт экспериментальной социологии», 1998

©Издательство «Алетейя» (СПб), 1998

©Перевод Н.А.Шматко, 1998

Жан-Франсуа ЛИОТАР

состояние постмодерна

содержание

9	.....	<i>введение</i>
14	.....	<i>глава 1</i> поле: знание в информационных обществах
24	.....	<i>глава 2</i> проблема: легитимация
29	.....	<i>глава 3</i> метод: языковые игры
34	.....	<i>глава 4</i> характер социальной связи: альтернатива модерна
42	.....	<i>глава 5</i> характер социальной связи: перспектива постмодерна
51	.....	<i>глава 6</i> прагматика нарративного знания
62	.....	<i>глава 7</i> прагматика научного знания
71	.....	<i>глава 8</i> нарративная функция и легитимация знания
79	.....	<i>глава 9</i> рассказы, легитимирующие знание
92	.....	<i>глава 10</i> утрата легитимности
102	.....	<i>глава 11</i> исследование и его легитимность через результативность

- 116 ..... *глава 12* преподавание и его легитимация
через результативность
- 130 ..... *глава 13* постмодернистская наука
как поиск нестабильности
- 144 ..... *глава 14* легитимация через паралогию

введение

Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его «постмодерн». Это слово появилось на свет на американском континенте из-под пера социологов и критиков. Оно обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века. Здесь мы будем рассматривать эти трансформации применительно к кризису рассказов.

Наука с самого начала конфликтовала с рассказами (*récits*). По ее собственным критериям за большинством из них скрывается вымысел. Но поскольку наука не ограничивается лишь формулировкой инструментальных закономерностей, а ищет истину, она должна легитимировать свои правила игры. А в силу того, что она держит легитимирующий дискурс в отношении собственного статуса, то называет его философией.

Когда этот метадискурс прибегает к эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., — то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать «модерном». И таким образом, например, правило консенсуса между отправителем и получателем ценностного высказывания об истине, считается приемлемым, если оно вписывается в перспективу возможного единодушия рассудительных умов: это может быть рассказ эпохи Просвещения, когда герой познания работает ради великой этикополитической цели, всеобщего мира. Здесь можно видеть, как легитимируя знание через метарассказ, включающий философию истории, приходят к тому, чтобы задаться вопросом о законности институций, ведающих социальной связью, поскольку эти последние также нуждаются в легитимации. Справедливость, таким образом, оказывается соотносимой с великим рассказом в той же мере, что и с истиной.

Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов. Оно является, конечно, результатом прогресса науки; но и прогресс в свою очередь предполагает это недоверие. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Она расплывается в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных

и т. п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*. Каждый из нас живет на пересечениях траекторий многих этих частиц. Мы не формируем без необходимости стабильных языковых комбинаций, а свойства, которые мы им придаем, не всегда поддаются коммуникации.

Таким образом, грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией (как то структурализм или теория систем), сколько с прагматикой языковых частиц. Существует много различных языковых игр — в силу разнородности их элементов. Они дают возможность своего учреждения только через места сбора и распределения информации — это локальная дегерминация.

Решающие инстанции могут, тем не менее, попытаться управлять этими облаками социальности по матрицам «*input/output*» в соответствии с логикой, содержащей взаимосоразмерность элементов и определенность целого. Благодаря ей наша жизнь оказывается обреченной на рост продуктивности. Оптимизация рабочих характеристик системы, ее эффективность становятся критериями ее легитимности, где социальная справедливость понимается как научная истина. Применение этого критерия ко всем нашим играм сопряжено со своего рода террором, мягким или жестким: «Будьте операциональными, т. е. будьте взаимосоразмерными или убирайтесь.»

Такая логика [поиска] наиболее эффективного, конечно, бессознательна во многих отношениях, поскольку, в частности, в социо-экономическом поле существует противоречие: эта логика подразумевает одновременно меньше работы (чтобы снизить себесто-

имость продукции) и больше работы (чтобы уменьшить социальные издержки на содержание незанятого населения). Но наша недоверчивость теперь такова, что, в отличие от Маркса, мы уже не ждем спасительного выхода из этой несостоятельности.

Вместе с тем, состояние постмодерна чуждо как разочарованности, так и слепой позитивности установления границ. В чем же может заключаться легитимность в эпоху после метарассказа? Критерий оперативности технологичен, он не подходит для суждения об истинности или ложности. Консенсус, получаемый в результате дискуссии, как у Хабермаса? Но он насилует гетерогенность языковых игр, а инновация появляется всегда из разногласия. Постсовременное знание не является исключительно инструментом властей. Оно также оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность. А основанием его самого является не гомология экспертов, но паралогия изобретателей.

Вопрос о легитимации социальной связи, о справедливом обществе, о том достижимо ли оно по парадоксу, аналогичному парадоксу научной деятельности, остается открытым. В чем он может состоять?

Нижеследующий текст написан по случаю. Это Доклад о знании в наиболее развитых обществах, представленный на Совете университетов при правительстве Квебека по запросу его президента. Последний любезно дал согласие на публикацию этого отчета во Франции, за что мы его благодарим.

Вместе с тем, докладчик философ, а не эксперт. Последний знает то, что он знает и что не знает, а первый — нет. Один заключает, другой задается воп-

росом — и в этом-то заключаются две языковые игры. Здесь они оказались перемешанными таким образом, что ни первая, ни вторая не доведены до успешного конца.

Философ может, по меньшей мере, успокоить себя, сказав, что отраженный в Докладе формальный и прагматический анализ некоторых легитимизирующих дискурсов — философских или этико-политических — переживет его и увидит свет. Такой анализ может быть подан с небольшим уклоном в социологизм, что его, конечно, комкает, но помещает в определенные рамки.

В том виде, как он есть, я отдаю свой Доклад в Политехнический институт философии при Университете Париж-VIII (Vincennes) в очень постсовременный момент, когда этот университет рискует исчезнуть, а этот институт — родиться.

глава 1

поле: знание в информационных обществах

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна¹, изменяется статус знания. Этот переход начался по меньшей мере с конца пятидесятих годов, обозначивших Европе конец ее восстановления. Он был более или менее быстрым в зависимости от положения страны, а внутри нее — от сектора активности; отсюда его общая рассогласованность, затрудняющая изображение целого². Часть опи-

---

¹ *Touraine A.* La société postindustrielle. Paris: Denoël, 1969; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973; *Hassan I.* The Dismemberment of Orpheus: Toward a Post Modern Literature. New York: Oxford U.P., 1971; *Benamou M. & Caramello Ch.* (éd.) Performance in Post Modern Culture. Wisconsin: Center for Xxth Century Studies & Coda Press, 1977; *Köhler M.* Postmodernismus: ein begriffsgeschichtlicher Ueberblick // *Amerikastudien.* 1977. №22 (1).

² Ставшее ныне классическим литературное изображение этого дано в: *Butor M.* Mobile. Etude pour une représentation des Etats-Unis. Paris: Gallimard, 1962.

саний не может не носить гипотетического характера. А мы знаем, как неосторожно чересчур доверять фурурологии³.

Чем пытаться выстраивать картину, которая все равно не может быть полной, мы будем отгалкиваться от характеристики, непосредственно определяющей наш предмет. Научное знание — это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории⁴, проблемы коммуникации и кибернетика⁵, современные алгебры и информатика⁶, вычислительные машины и их языки⁷, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков⁸, проблемы сохранения в памяти и банки данных⁹, телематика и разработ-

---

³ *Fowles Jif.* (éd.) Handbook of Futures Research. Westport: Conn., Greenwood Press, 1978.

⁴ *Troubetzkoy N.S.* Grundzüge der Phonologie. Prague: T.C.L.P., VII, 1939.

⁵ *Wiener N.* Cybernetics and Society. The Human Use of Human Beings. Boston: Houghton Mifflin, 1949; *Ashby W.R.* An Introduction to Cybernetics. London: Chapman and Hall, 1956.

⁶ См. труды Джона фон Неймана (1903-1957).

⁷ *Bellert S.* La formalisation des systèmes cybernétiques // Le concept d'information dans la science contemporaine. Paris: Minuit, 1965.

⁸ *Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. Paris: Gallumard, 1963. Революцией в компьютерах считается изобретение в 1965 году IBM-360. См.: *Moch R.* Le tournant informatique. Documents contributifs. Annexe 4 «L'Informatisation de la société». Paris: Documentation française, 1978. *Ashby R.M.* La seconde génération de la micro-électronique // La Recherche. 1970. N°2. 127 sq.

⁹ *Gaudfernan C.L. & Taib A.* Glossaire // L'Information de la société / Nora P., Minc A. Paris: Documentation française, 1978. Там же: *Beca R.* Les banques de données. Nouvelles informatiques et nouvelle croissance. Annexe I.

¹⁰ Там же. *Joyeux L.* Les applications avancées de l'informatique. Домашние терминалы (*Integrated Video Terminals*) коммерциализиру

ка «мыслящих» терминалов¹⁰, парадоксологи¹¹ — вот явные свидетельства и список этот неисчерпан.

Влияние этих технологических изменений на знание должно быть, судя по всему, значительным. Им отводятся или будут отводиться две фундаментальные функции: исследование и передача сведений. В отношении первой пример, доступный пониманию профанов, дает генетика, которая обязана своей теоретической парадигмой кибернетике. Существуют сотни других примеров. В отношении второй известно, как, нормализуя, миниатюризируя и коммерциализируя аппаратуру, уже сегодня модифицируют операции по получению знаний, их классификации, приведения в доступную форму и эксплуатации¹². Было бы естественным полагать, что увеличение числа информационных машин занимает и будет занимать в распространении знаний такое же место, какое заняло развитие средств пе-

---

ются, начиная с 1984 года, при стартовой цене примерно 1400 \$ США (по источникам *International Resource Development. The Home Terminal. Rapport. Conn.: I.R.D.Press, 1979*).

¹¹ *Watzlawick P., Helmick-Beavin J., Jacson D. Pragmatics of Human Communication. A Study of International Patterns, Pathologies, and Paradoxes. N.Y.: Northorn, 1967.*

¹² Трель Ж.-М. (*Treille J.M.*) из Группы анализа и развития экономических и технологических систем (GAPSET) заявляет: «Мы недостаточно говорим о новых возможностях распространения запоминающих устройств, в особенности, полупроводниковых или лазерных (...) Скоро каждый сможет за небольшую цену накапливать информацию там, где пожелает, и, кроме того, располагать автономными мощностями ее обработки». («La semaine media», №16. 15 février 1979). По результатам исследования Национального научного фонда, больше, чем каждый второй ученик высшей школы, постоянно пользуется компьютером; а уже в начале 80-х все школьные учреждения будут иметь хотя бы один компьютер. («La semaine media». №13. 25 janvier 1979).

редвижения сначала человека (транспорт), а затем звука и изображения (медиа¹³).

При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации¹⁴. Следовательно, мы можем предвидеть, что все непереводимое в установленном знании, будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин. «Производители» знания, как и его пользователи должны и будут должны иметь средства перевода на эти языки того, что одни стремят-

---

¹³ Brunel L. *Des machines et des hommes*. Montréal: Québec Science, 1978. Missika J.L., Wilton D. *Les réseaux pensants*. Librairie technique et doc., 1978. Видеоконференции между Квебеком и Францией становятся теперь привычными: в ноябре и декабре 1978 г. было проведено четыре цикла видеоконференции в прямом эфире (через спутник «Симфония») между Квебеком и Монреалем, с одной стороны, и Парижем (Университет Paris Nord и Центр Жоржа Помпиду) — с другой. («La semaine media». N°5. 30 novembre 1978). Другой пример — электронный журнализм. Три крупнейших американских сети ABC, NBC и CBS уже настолько распространили свои производственные студии по всему миру, что практически все происходящие события могут теперь быть обработаны электронными средствами и переданы в Соединенные Штаты через спутник. Только московские бюро еще продолжают работать с пленкой, которую они передают во Франкфурт, чтобы уже оттуда передать по спутнику. Лондон стал большим *parking point*. («La semaine media». N°20. 15 mars 1979).

¹⁴ Единицей информации является бит. Его определения см.: Gaudfernan & Taib. «Glossaire»; а также дискуссию в Thom R. *Un protégé de la sémantique: l'information* (1973) // *Modèles mathématiques de la morphogénèse*. Paris: 10/18, 1974. Запись сообщений в цифровых кодах позволяет, в частности, избежать двусмысленностей; см.: Watzlawick et al. *Op.cit.* P. 98.

ся изобрести, а другие — усвоить. Исследования, посвященные таким интерпретативным машинам, уже значительно продвинулись¹⁵. Вместе с гегемонией информатики предлагается и определенная логика, а следовательно, совокупность предписаний, предъявляемых к сообщениям, принимаемых как относящиеся к «знанию».

Можно отныне ожидать сильной экстерииоризации знания относительно «знающего», на какой бы ступени познания он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (*Bildung*) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т. е. стоимостную форму (*forme valeur*). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость»¹⁶.

---

¹⁵ Фирмы *Craig* и *Lexicon* заявляют о выпуске на рынок карманных переводчиков: четыре модуля на разных языках, находящихся в одновременной работе и содержащим каждый по 1500 слов, с памятью. *Weidner Communication Systems Inc.* производит *Multilingual Word processing*, который обладает возможностями среднего переводчика: 600-2400 слов в час. Он обладает тремя видами памяти: двуязычный словарь, словарь синонимов, грамматический индекс («*La semaine media*», N°6. 6 décembre 1978. P. 5).

¹⁶ *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Frankfurt a/M., 1968.

Известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой¹⁷, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах¹⁸ и составило основное затруднение для развивающихся стран. В постиндустриальную и постсовременную эпоху наука сохраняет и, несомненно, усугубляет свою важность в совокупности производительных способностей национальных государств. Такая ситуация собственно является одним из аргументов в пользу того, что расхождение с развивающимися странами в будущем не прекратит увеличиваться¹⁹.

¹⁷ «Основой (*Grundpfeiler*) производства и богатства ...становятся ум и господство природы в существовании человека в качестве социального тела», так что «общее социальное знание, *knowledge*, становится непосредственной производительной силой» писал Маркс в «*Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (1857-1858)*» («Рукописях 1857-1858 гг.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49). Во всяком случае, Маркс соглашается с тем, что знание становится силой не в его «форме знания, но в качестве непосредственного органа социального праксиса», т. е. также как машины, когда те служат «органами человеческого мозга, созданными человеческими руками силой объективированного знания». См.: *Mattick P. Marx and Keynes. The Limits of the Mixed Economy.* Boston: Sargent, 1969; а также дискуссию в работе *Lyotard J.F. La place de l'aliénation dans le retournement marxiste* (1969) // *Dérive à partir de Marx et Freud.* Paris: 10/18, 1973.

¹⁸ За два десятилетия (1950-1971) состав категорий работников в США изменился следующим образом:

	1950	1971
Рабочие на заводах, службах или в сельском хозяйстве	62,5%	51,4%
Свободные или технические профессии	7,5%	14,2%
Служащие	30%	34%

(*Statistical Abstracts*, 1971).

¹⁹ В силу продолжительности времени «изготовления» высококвалифицированного техника или среднего ученого сравнительно со временем добычи природных ресурсов или денежного трансферта. В конце 60-х годов Мэйтик оценивал долю

Но этот аспект не должен заслонять собой другой, комплементарный ему. В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть. Также как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение и эксплуатацию сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы, надо полагать, они будут бороться в будущем за освоение информации. Здесь открывается, таким образом, новое поле для индустриальных и коммерческих стратегий, а также для стратегий военных и политических²⁰.

Однако, обозначенная таким образом перспектива не столь проста, как мы только что показали. Так, меркантилизация знания не может оставить в неприкосновенности привилегию, которой обладали и еще обладают современные национальные государства в отношении производства и распространения знаний. Идея, что знания принадлежат «мозгу» или «духу» общества, а значит — Государству, постепенно отживает по мере усиления обратного принципа, согласно которому общество существует и развивается только тогда, когда сообщения, циркулирующие в нем, насыщены

чистых инвестиций в интеллектуальную сферу развивающихся странах в размере 3-5% ВВП, а в развитых странах — 10-15% (Op.cit. P. 287).

²⁰ *Nora & Minc*. Information de la société. Op.cit., см., в частности, первую часть: «Les défis». Stourdzé Y. Les Etats-Unis et la guerre des communications // Le Monde. 13-15 décembre 1978. Стоимость мирового рынка телекоммуникационных устройств в 1979 г. составляет 30 миллиардов долларов; считается, что через десять лет она достигнет 68 миллиардов («La semaine media». N°19. 8 mars 1979. P. 9).

информацией и легко декодируются. Государство начинает проявлять себя как фактор непроницаемости и «шума» для идеологии коммуникационной «прозрачности», которая идет в паре с коммерциализацией знаний. Именно при такой постановке проблема отношений между экономическими и государственными инстанциями грозит проявиться с новой остротой.

Уже в предыдущие десятилетия первые могли угрожать стабильности вторых, благодаря новым формам оборачивания капиталов, которым было дано родовое имя мультинациональных предприятий. Эти формы подразумевают, что решения относительно инвестиций отчасти выходят из под контроля национальных государств²¹. С развитием информационной технологии и телематики этот вопрос может стать еще более щекотливым. Допустим, к примеру, что фирма *IBM* получит разрешение на размещение на одной из орбит Земли коммуникационных спутников и/или банков данных. Кто к ним будет иметь доступ? Кто будет определять запрещенные каналы или данные? Будет ли это государство? А может оно будет только одним из пользователей? Появятся таким образом новые проблемы права и через них вопрос: кто будет знать?

Изменение природы знания может, следовательно, оказать на существующие государственные власти такое обратное воздействие, которое заставит их пересмотреть свои правовые и фактические отношения с крупными предприятиями и, в более общем виде, с гражд-

---

²¹ *Combert F, de.* Le redéploiement industriel//Le Monde. Avril, 1978; *Lepage H.* Demain le capitalisme. Paris, 1978; *Cotta A.* La France et l'impératif mondial. Paris: PUF, 1978.

данским обществом. Новое открытие мирового рынка, новый виток очень напряженного экономического соревнования, исчезновение исключительной гегемонии американского капитализма и упадок социалистической альтернативы, возможное открытие для обменов китайского рынка и многие другие факторы уже теперь, в конце 70х годов, начали подготавливать государства к серьезному пересмотру роли, которую они привыкли играть с 30х годов и состоявшую в защите, проведении и даже планировании инвестиций²². В этом контексте новые технологии, поскольку они производят данные, использующиеся для принятия решений (а, следовательно, средства контроля), еще более мобильными и подверженными пиратскому использованию, могут лишь усугубить насущную необходимость такого пересмотра.

Вместо того, чтобы распространяться в силу своей «образовательной» ценности или политической значимости (управленческой, дипломатической, военной), можно представить себе, что знания будут введены в оборот по тем же себям, что и денежное обращение, и что соответствующее этому расслоение прекратит быть делением на знание/незнание, а станет, как и в случае денежного обращения, «знаниями к оплате/знаниями к инвестициям», т. е. знаниями, обмениваемыми в рамках поддержания обыденной жизни (восстановление рабочей силы, «выживание») *versus* кредиты знаний в целях оптимизации результативности программы.

---

²² Речь идет о том, чтобы «ослабить административное управление» и перейти к «государству-минимум». Такой упадок *Welfare State* (государства «всеобщего благоденствия»), сопровождающий «кризис», начался в 1974 году.

В этом случае, им будет необходима как прозрачность, так и либерализм. Что не мешает тому, чтобы в потоках денежных средств одни служили для решений, а другиегодились только для оплаты. Можно таким же образом вообразить потоки знаний, проходящие по одним и тем же каналам, имеющим одинаковую природу, но где одни будут предназначены для «решающих лиц», а другие — для оплаты вечного долга каждого по отношению к социальной связи.

глава 2

проблема: легитимация

Такова рабочая гипотеза, определяющая поле, в котором мы хотим рассмотреть вопрос о статусе знания. Этот сценарий, родственный тому, что называется «информатизацией общества», хотя и был предложен в совершенно ином ключе, не претендует ни на оригинальность, ни на истинность. Что требуется от рабочей гипотезы, так это ее большая различительная способность. Сценарий информатизации наиболее развитых обществ позволяет прояснить, даже ценой риска их сильного преувеличения, определенные аспекты трансформации знания и его воздействия на общественные силы и гражданские институты, — последствия, которые могли бы остаться малозаметными при рассмотрении в других перспективах. Не стоит придавать ему прогностическую ценность в отношении реальности, она скорее стратегическая и в отношении поставленного вопроса.

Тем не менее его вероятность высока, и в этом смысле выбор нашей гипотезы не случаен. Описание этого сценария уже достаточно широко разработано экспертами²³ и он уже влияет на некоторые решения государственной администрации и наиболее непосредственно заинтересованных предприятий, например, управляющих телекоммуникациями. Следовательно, он стал частью наблюдаемых реалий. И наконец, если мы исключим случай стагнации и общего спада вследствие, например, продолжительной невозможности разрешения мировых проблем энергетики, то такой сценарий имеет массу шансов одержать победу, поскольку мы не видим, какое иное направление современных технологий можно было бы выделить как альтернативу информатизации общества.

Иными словами, гипотеза банальна. Но она такова только в той мере, в какой не подвергает пересмотру общую парадигму прогресса наук и технологий, который вызывает, казалось бы совершенно естественно, экономический рост и развитие социо-политической мощи. Можно при этом допускать, как нечто само собой разумеющееся, что научное и техническое знание накапливается, и кроме того спорить о форме такого накопления: одни его воображают упорядоченным, непрерывным и равномерным, другие — периодическим, прерывным и конфликтным²⁴.

---

²³ La Nouvelle informatique et ses utilisateurs. Annexe III // L'Informatisation, etc. Loc.cit.

²⁴ *Lécuyer B.P.* Bilan et perspectives de la sociologie des sciences dans les pays occidentaux // Archives européennes de sociologie. XIX. 1978. P. 257-336. Здесь содержится хорошая информация по англосаксонским течениям — гегемония школы Мертона вплоть до начала 70-х годов, сегодняшнее расслоение, в частности,

Однако, эта очевидность обманчива. Во-первых, научное знание — это еще не все знание, оно всегда было «сверх положенного», в конкуренции, в конфликте с другим соргом знания, который мы будем называть для простоты нарративом и характеристику которому дадим позже. Это вовсе не значит, что последний может одержать верх над научным знанием, но его модель связана с идеями внутреннего равновесия и дружелюбия (*convivialité*)²⁵, в сравнении с которыми современное научное знание имеет бледный вид, особенно, если оно должно подвергнуться экстерииоризации по отношению к «знающему» и еще более сильному, чем прежде, отчуждению от своих пользователей. Вытекающей из этого деморализацией исследователей и преподавателей трудно пренебречь, тем более, что она разразилась, как известно, в 60-ые годы среди тех, кто решил посвятить себя этим профессиям, среди студентов всех наиболее развитых стран, и смогла ощутимо затормозить на этот период продуктивность лабораторий и университетов, которые не смогли уберечься от заражения²⁶. Нет и не было вопроса о том, чтобы из этого вышла революция, как бы на то ни надеялись или — что не раз бывало — как бы того ни боялись; ход вещей постиндустриальной цивилизации не изменится с сегодня на завтра. Однако, когда речь идет об оценке настоящего и будущего статуса научного знания, нельзя исключать

под давлением Куна, — а также некоторые сведения по немецкой социологии науки.

²⁵ Термин «*conviviality*» был введен Иваном Иличем: *Illich I. Tools for Conviviality*. N.Y.: Harper & Row, 1973.

²⁶ См. рассуждения о такой «деморализации» в науке: *Jaubert A., Lévy-Leblond J.-M. (éd.). (Auto)critique de la science*. Paris: Seuil, 1973. Partie I.

из рассмотрения такой важной компоненты как сомнения ученых.

Тем более, что статус научного знания к тому же переплетается с главной проблемой — проблемой легитимации. Мы берем это слово в самом расширительном смысле, какой оно получило в дискуссиях по вопросу о власти у современных немецких теоретиков²⁷. Либо гражданский закон, а он гласит: такая-то категория граждан должна совершать такого-то рода поступки. Тогда легитимация — это процесс, по которому законодателю оказывается позволенным провозглашать данный закон нормой. Либо научное высказывание, а оно подчиняется правилу: высказывание должно удовлетворять такой-то совокупности условий, чтобы восприниматься как научное. Здесь легитимация — процесс, по которому «законодателю», трактующему научный дискурс, разрешено предписывать указанные условия (в общем виде, условия внутреннего состояния и экспериментальной проверки) для того, чтобы некое высказывание составило часть этого дискурса и могло быть принято к вниманию научным сообществом.

Сопоставление может показаться вымученным. Но мы увидим, что это не так. Вопрос о легитимации науки еще со времен Платона неразрывно связан с вопросом легитимации законодателя. В этой перспективе право решать «что верно, а что нет», не может не зависеть от права решать «что справедливо», даже если высказывания, подчиненные соответственно той и другой власти, имеют различную природу. Существует родство од-

---

²⁷ *Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt: Suhrkamp, 1973.*

ного рода языка, который называется наукой, с другим, называемым этикой или политикой: и первое, и второе вытекает из одной перспективы или, если угодно, из одного и того же «выбора», который зовется Запад.

Рассматривая современный статус научного знания, мы можем констатировать, что в то время как этот последний кажется более, чем когда либо подчиненным державам, а с учетом новых технологий даже рискует стать одной из главнейших ставок в их конфликтах, вопрос о двойной легитимации не только не снимается, но напротив, становится все более актуальным. Поскольку он задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом о управлении.

глава 3

МЕТОД: ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ

Из сказанного выше уже можно было бы заметить, что для анализа проблемы в определенных нами рамках, мы предпочли следующую процедуру: сделать акцент на языковых фактах, и уже в этих фактах выделить их прагматический аспект²⁸. Чтобы облегчить дальнейшее чтение, полезно дать некоторые, пусть даже краткие сведения о том, что мы понимаем под этим.

---

²⁸ Ч.У. Моррис, следуя в русле семиотики Ч. Пирса, ввел различие между синтаксической, семантической и прагматической областями. См.: *Morris Ch.W. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science / O. Neurath, R. Carnap & Ch. Morris (ed.). Vol. I, 2 (1938). P. 77-137.* В отношении употребления термина мы опираемся в основном на следующие труды: *Wittgenstein L. Philosophical Investigations, 1945; Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford, 1962; Searl J.R. Speech Acts. Cambridge U.P., 1969; Habermas J. Unbereite Bemerkungen zu einer Theorie der Kommunikativen Kompetenz // Habermas & Luhmann. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Stuttgart, Suhrkamp, 1971; Ducrot O. Dire et ne pas dire. Hermann, 1972; Pulain J. Vers une pragmatique nucléaire de la communication. Dactilogr., Université de Montréal, 1977.* А также см. *Watzlawick et al. Op.cit.*

Такое денотативное высказывание²⁹ как «Университет болен» произнесенное в ходе разговора или переговоров, позиционирует его отправителя (того, кто произносит высказывание), получателя (того, кто его получает) и его референт (то, о чем говорит высказывание) особым образом. Так, отправитель помещен и выставлен этим высказыванием в позицию «знающего» (он знает что-то про университет), получатель поставлен в позицию, в которой нужно дать одобрение или отказать в нем, а референт, в свою очередь, тоже воспринимается в денотативном виде, как нечто, что требует быть правильно идентифицированным и выраженным в высказывании, которое с ним соотносится.

Если мы теперь рассмотрим высказывание типа «Университет открыт», произнесенное ректором или деканом во время ежегодной церемонии начала учебного года, то увидим, что предыдущие спецификации исчезают. Очевидно, надо, чтобы предыдущая спецификация была понята, но как раз в этом и заключается общее условие коммуникации, которое не позволяет различать высказывания или их собственные воздействия. Второе высказывание, называемое пер-

---

²⁹ Денотация здесь соответствует дескрипции в классическом употреблении логиков. Куайн заменяет денотат на *true of* (истина ч.-л.). См.: *W.V. Quine. Le mot et la chose. Flammarion, 1977. P. 140, n. 2.* А Остин предпочитал термину «дескриптивный» «констативный» (*constatif*): *Op.cit. P. 39.*

³⁰ В теории языка, начиная с Остина, «перформативный» имеет строгий смысл (*Op.cit., p. 39 et passim*). В дальнейшем мы его встретим в сочетании с терминами *перформанс* (*performance*) и *перформативность* (*performativité*) (например, системы) в ставшим традиционным смысле измеряемой эффективности отношения *input / output*. Два этих смысла не полностью чужды друг другу. *Перформативный* у Остина осуществляет оптимум *перформанса*.

формативным³⁰, имеет ту особенность, что его воздействие на референт совпадает с его высказыванием: Университет оказывается открытым в силу того, что его объявляют открытым в этих условиях. И следовательно, это не предмет обсуждения или проверки высказывания получателем, который оказывается тем самым непосредственно помещенным в новый контекст. Что касается отправителя, то он должен быть наделен властью произносить, но можно описать это условие и наоборот: ректор или декан, т. е. некто наделенный властью произносить высказывания такого рода, существуют только в силу того, что они их произносят, оказывая непосредственный эффект, о котором мы уже говорили, как на свой референт — университет, так и на своего получателя — преподавателей.

Иной случай представляют высказывания типа «Дайте средства университету», которые являются прескриптивными. Они могут принимать форму приказов, команд, инструкций, рекомендаций, запросов, просьб, прошений и т. п. Видно, что отправитель здесь поставлен во властную позицию в широком смысле слова (включая и ту власть, которой обладает грешник над богом, показывающим свое милосердие), т. е. он ждет от получателя осуществления соответствующего действия. В свою очередь эти два последних пункта подвергаются в прескриптивной прагматике воздействиям взаимопоручительства (*concomitants*)³¹.

---

³¹ Недавний анализ этих категорий сделан Хабермасом в «Unbereitende Bemerkungen...» и обсуждался Ж. Пуленом в цитированной выше статье.

Другими являются также эффективность вопроса, обещания, литературного описания, наррации и т. п. Мы, конечно, кое-что пропускаем. Когда Витгенштейн, начиная сызнова изучение языка, сосредоточивает свое внимание на эффектах дискурса, он называет различные виды высказываний (мы только что назвали некоторые из них), которые он отмечает в языковых играх³². Этим термином он обозначает, что различные категории высказываний должны поддаваться наименованию по правилам, определяющим их свойства и соответствующее им употребление, точно также как в шахматной игре существует группа правил, определяющих свойства фигур и соответствующий способ их передвижения.

По поводу языковых игр следует привести три наблюдения. Первое: их правила не содержат в самих себе свою легитимацию, но составляют предмет соглашения — явного или неявного — между игроками (что однако не означает, что эти последние выдумывают правила). Второе: если нет правил, то нет и игры³³; даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а «прием» или высказывание не удовлетворяющее правилам, не принадлежат определяемой ими игре.

Это последнее наблюдение приводит к предположению существования первого принципа, лежащего в

---

³² Wittgenstein L. Investigations philosophiques, op.cit., § 23.

³³ Neumann J., von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton U.P., 1948, 3e éd., 1954. P. 49: «Игра заключается в совокупности описывающих ее правил». Формула чуждая духу Витгенштейна, для которого понятие игры не охватывалось одним определением, поскольку это последнее уже представляет собой языковую игру (Op. cit., § 65-84).

основе всего нашего метода: говорить значит бороться — в смысле играть; языковые акты³⁴ показывают общее противоборство (агонистику)³⁵. Это совсем не значит, что играют только для того, чтобы выиграть. Можно применить прием только из удовольствия от его придумать: разве не это мы находим в народной речи или литературе? Беспрерывное выдумывание оборотов, слов, смыслов доставляет большую радость, а на уровне речи — это то, что развивает язык. Однако, конечно же, само такое удовольствие не свободно от чувства успеха, как минимум вырванного у противника, и зависит от величины, принятого языка, коннотации³⁶.

Эта идея речевой агонистики не должна скрывать следующий принцип, комплементарный первому и определяющий наш анализ: наблюдаемая социальная связь основана на речевых «приемах». Раскрывая это предположение, мы подойдем к главной теме.

---

³⁴ Этот термин взят у Сёрла: «Языковые акты есть исходные [минимальные] базовые единицы речевой коммуникации» (Op. cit. P. 52). Мы их помещаем скорее под эгидой *agon* (состояния), нежели коммуникации.

³⁵ Агонистика лежит в основании онтологии Гераклита и диалектики софистов, не говоря уже о первых трагиках. Аристотель отводит ей большую часть рефлексии над диалектикой в «Топике» и «О софистических опровержениях». См. также Ницше Ф. «Состязание у Гомера» в «Пяти предисловиях к пяти ненаписанным книгам» (1872); «Посмертные записки 1870-1873».

³⁶ В смысле установленном Л. Ельмслевом: *Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language*. Пер. на англ. Whitfield, Madison, U. Wisconsin Press, 1963; был проанализирован Р. Бартом в «Началах семиологии» (*Barthes R. Eléments de sémiologie* (1964). Paris: Seuil, 1966. § IV. 1.)

характер социальной связи: альтернатива модерна

Если мы хотим рассмотреть знание в наиболее развитом современном обществе, то вначале необходимо решить вопрос о существующем об этом обществе методологическом представлении. Упрощая до предела, можно сказать, что по крайней мере последние полвека это представление делилось, в принципе, между двумя моделями: общество образует функциональное целое; общество разделено надвое. Первую модель можно проиллюстрировать именем Толкотта Парсонса (по крайней мере, в послевоенный период) и его школы; вторую — марксистским течением (все входящие сюда школы, какими бы разными они ни были, разделяют принцип борьбы классов и трактуют диалектику как раздвоение единого, влияющее на социальную целостность¹).

---

¹ См., в частности: *Parsons T. The Social System*. Glencoe: Free Press, 1967; его же: *Sociological Theory and Modern Society*. N.Y.: Free Press, 1967. Библиография марксистской теории современного общества заняла бы более пятидесяти страниц. С этой целью можно

Это методологическое расхождение, определяющее два основных вида дискурса об обществе, берет начало в XIX веке. Идея о том, что общество составляет органическое целое, без чего оно перестает быть обществом (а социология потому теряет предмет исследования), занимала умы основателей французской школы, она уточняется с появлением функционализма и принимает другой оборот, когда Парсонс в 50-х годах приравнивает общество к саморегулирующейся системе. Теоретической и даже материальной ее моделью более не является живой организм, ее основой становится кибернетика, применение которой растет в течение и в конце второй мировой войны.

У Парсонса принцип системы, если так можно выразиться, еще оптимистичен: он соответствует стабилизации экономического роста и обществам изобилия под эгидой умеренного *welfare state*². У современных немецких теоретиков системная теория технократична, и даже цинична, если не сказать безнадежна: равновесие между потребностями и ожиданиями индивидов или групп и функциями, которые обеспечивает эта си-

---

обратиться к библиографии (документальные и критические источники), опубликованной в книге *Souyru P. Le marxisme après Marx*. P.: Flammarion, 1970. Интересная точка зрения на конфликт между этими двумя большими течениями социальной теории, а также на их комбинации дана Гоулднером: *Gouldner A. W. The Coming Crisis of Western Sociology*. London: Heineman, 1972. Этот конфликт занимает важное место в трудах Ю. Хабермаса, следующего в традициях франкфуртской школы и полемизирующего с немецкой теорией социальной системы, в особенности, с теорией Н. Лумана.

² Этот оптимизм явно прослеживается в выводах Линда (*Lynd R. Knowledge for What? Princeton U.P., 1939. P. 239*), которые цитирует Хоркхаймер (*Horkheimer M. Eclipse of Reason. Oxford U.P., 1947. P. 191*): «в современном обществе на смену "затертой до дыр" религии должна прийти наука, которая укажет цели жизни».

стема, является всего лишь дополнительной составляющей ее функционирования; истинная же конечная цель системы, — то для чего она сама как интеллектуальная машина запрограммировала себя, — заключается в оптимизации глобального отношения ее «входов» и «выходов» (*inputs/outputs*), т. е. эффективность. Даже когда эти правила изменяются и производятся инновации, даже когда нарушается функционирование системы: забастовки, кризисы, безработица или политические потрясения, что может навести на мысль об альтернативе или пробудить надежды, речь идет лишь о внутреннем наведении порядка, результатом которого является лишь улучшение «жизни» системы; единственной альтернативой такому росту эффективности может стать энтропия, т. е. упадок³.

Здесь снова, но не впадая в упрощенчество социо-

---

³ *Schelsky H.* Der Mensch in der Wissenschaftlichen Zeitalter. Köln, 1961. 24 sq.: «Суверенитет государства проявляется теперь не в одном только факте, что оно монополизировало применение насилия (Макс Вебер) или устанавливает чрезвычайное положение (Карл Шмитт), но прежде всего в том, что государство определяет меру эффективности всех существующих в нем технических средств, что оно отбирает для себя те средства, чья эффективность наиболее велика и по отношению к которым оно может практически размещаться вне поля их применения, обязательно для других». Кто-то скажет, что это теория государства, а не системы. Но Шельский добавляет: «Государство само занимает подчиненное положение уже в силу самой индустриальной цивилизации, а именно: средства определяют цели или, точнее сказать, технические возможности предполагают определенное их использование». Хабермас возражал против этого закона, говоря, что технические средства и системы целенаправленного рационального действия никогда не развиваются отдельно друг от друга. О «практических следствиях научного и технического прогресса» см. в кн.: «Theorie und Praxis». Neuwied: Luchterhand, 1963, а также *Ellul J.* La technique et l'enjeu du siècle. Paris: Armand Colin, 1954; *id.*, Le système technicien. Paris: Calman-Lévy, 1954. О том, что забас-

логии социальной теории, трудно не установить, как минимум, некой параллели между «жесткой» технократической версией общества и аскетическим усилением которое, под названием «прогрессивного либерализма», требуется от наиболее развитых индустриальных обществ, чтобы стать конкурентоспособными (а, следовательно, оптимизировать их «рациональность») в контексте усиления мировой экономической войны начиная с 60-х годов.

За тем огромным перемещением, которое мы совершаем переходя от идей Конта к идеям Лумана, угадывается одно и то же социальное представление: общество есть единая целостность, некая «единичность». Парсонс сформулировал это просто: «Самое решающее условие правильного динамического анализа в том, чтобы *каждая* проблема находилась постоянно и систематически в связи с состоянием системы, рассматриваемой как целое... Процесс или совокупность состояний либо “содействует” поддержанию (или развитию) *системы*; либо является “дисфункциональным”, поскольку наносит ущерб единству и эффективности системы»⁴. Однако, эту идею также поддерживают «технократы»⁵. Отсюда ее правдоподобность: имея возможность

товки и вообще сильное давление, осуществляемое мощными организациями наемных работников, в конечном итоге создают напряженность, благотворно действующую на перформативность системы, недвусмысленно заявляет профсоюзный лидер Ч. Левинсон, который объясняет этой напряженностью технический и управленческий прогресс американской промышленности (цитируется по: *Virieu H.-F., de. Le Matin. Décembre 1978. N° spécial «Que veut Giscard?»*).

⁴ *Parsons T. Essay in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe: Free P., 1957 (reed.). P. 46-47.*

⁵ Данное слово мы берем в смысле, который Гелбрайт Дж.К.

стать действительностью, она имеет и средства доказать это. То, что Хоркхаймер называл «паранойей» здравого смысла⁶.

К тому же, мы можем считать паранойей реальное существование систематической саморегуляции системы и совершенно замкнутого круга явлений и интерпретаций лишь при условии, что располагаем или считаем, что располагаем неким наблюдательным пунктом, в принципе скрытым от их взора. Таково действие принципа классовой борьбы в теории общества, начиная с Маркса.

«Традиционная» теория всегда находится под угрозой быть включенной в программирование общественного целого как простое орудие оптимизации достижений общества оттого, что ее желание абсолютной и всеобщей истины основывается также на единой и всеобщей практике управляющих системы. «Критическая»⁷ же теория, в силу того, что опирается на двойной принцип и не доверяет различным синтезам и компромиссам, должна быть в состоянии избежать такой судьбы.

придавал термину «технокультура» в книге: *Galbraith J.K. Le Nouvel Etat industriel. Essai sur le système économique américain.* Paris: Gallimard, 1968 или в смысле, в котором Арон Р. употреблял термин «технико-бюрократическая структура» (см.: *Aron R. Dixhuit leçons sur la société industrielle.* Paris: Gallimard, 1962), а не в том понимании, которое навязывает термин «бюрократия». Этот последний более «жесток», поскольку он в равной мере экономический и социополитический и изначально пришел из критики Рабочей оппозицией (Коллонтай) власти большевиков, а затем из троцкистской оппозиции сталинскому режиму. Об этом см.: *Lefort Cl. Eléments d'une critique de la bureaucratie.* Genève: Droz, 1971, где эта критика распространяется на бюрократическое общество в целом.

⁶ *Horkheimer M. Eclipse of Reason.* Oxford U.P., 1947. P. 183.

⁷ *Horkheimer M. Traditionnelle und kritische Theorie (1937) // Théorie traditionnelle et théorie critique / T.fr. Maillard & Müller.* Paris: Gallimard,

Таким образом, марксизмом руководит другая модель общества (и иное понимание функции знания, которое может быть в нем произведено и получено). В основе этой модели лежит борьба классов, которая сопровождает вклад капитализма в традиционное гражданское общество. Здесь невозможно обойтись без перипетий, которые занимают общественную историю, политику и идеологию в течении более века. Достаточно напомнить об итоге, который сегодня можно подвести этим перипетиям, ибо судьба их известна: в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой борьбы и ее руководителей в регуляторы системы; в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма, тоталитарной модели и ее тоталитарных последствий, а борьба, о которой идет речь, просто лишена права на существование⁸. И повсюду, под разными названиями, Критика политической экономии (под названием «Капитала» Маркса) и критика связанного с ней общества отчуждения, используются в качестве элементов при программировании системы⁹.

Естественно, что под воздействием этих процессов критическая модель поддерживалась и развивалась меньшинством, например, Франкфуртской школой или

1974; *Théorie critique* / t.fr. Collectif du Collège de philosophie. Paris: Payot, 1978. А также очень толковая библиография по Франкфуртской школе на фр. яз. в журнале «Esprit» (1978. N°5), составленная Hoehn и Raulet.

⁸ *Lefort Cl.* Op.cit.; id. *Un homme en trop*. Paris: Seuil, 1976; *Castoradis C.* *La société bureaucratique*. Paris: 10/18, 1973.

⁹ См., например: *Garnier J.P.* *Le marxisme lenifiant*. Paris: Le Sicomore, 1979.

группой «Социализм или варварство»¹⁰. Но, невозможно скрыть, что социальная основа принципа разделения, классовая борьба исчерпала себя и даже утратила всякую радикальность, что, в конечном счете, поставило модель под угрозу утраты теоретической основы и сведения ее к «утопии», или к «надежде»¹¹, к выступлениям протеста за достоинство человека во имя человека или разума, или творчества, или еще такой социальной категории, наделенной *in extremis* невозможными на сегодняшний день функциями критического порядка, как третий мир или студенческая молодежь¹².

Этот схематический (или упрощенный) экскурс имел своей единственной целью уточнить проблематику, в которой мы собираемся поместить вопрос о знании в развитых индустриальных обществах. Ибо мы не можем знать, что считается знанием, т. е. с какими проблемами развития и распространения знания мы встречаемся сегодня, если ничего не знаем об обществе, в котором оно помещается. И сегодня, как никогда ранее, узнать что-либо об обществе означает, прежде всего, выбрать способ постановки вопроса, который так же является способом получения ответа. Согласиться с тем,

---

¹⁰ Это название носил «революционный орган критики и ориентации», публиковавшийся в 1945-1965 годах группой главных редакторов (под разными псевдонимами), где были К. де Бомон, Д. Бланшар, К. Касториadis, С. де Дисбах, К. Лефор, Ж.-Ф. Лиотар, А. Мазо, Д. Мотэ, Б. Сарель, П. Симон, П. Суйри.

¹¹ Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung* (1954-1959). Francfort, 1967; Raullet G. *Utopie-Marxisme selon E. Bloch*. Paris: Payot, 1976.

¹² Здесь намек на теоретическую халтуру, вызвавшую шумные отклики во время алжирской и вьетнамской войн, а также в среде студенческого движения в шестидесятые годы. Исторический обзор этого дали Schmappe A., Vidal-Naquet P. *Journal de la Commune étudiante*. Paris: Seuil, 1969 (présentation).

что главная роль знания — быть необходимым элементом функционирования общества и действовать в зависимости от занимаемого ею места, можно только в случае, если мы согласимся считать общество большой машиной¹³.

И, наоборот, мы можем учитывать его критическую функцию и пытаться ориентировать его распространение в этом направлении, только если согласимся, что общество не является интегральным целым и что оно сохраняет приверженность принципу оспаривания¹⁴. Альтернатива представляется ясной: однородность или двойственность органически присущая социальному, функционализм или критицизм знания; но выбор может оказаться трудным или произвольным.

Была предпринята попытка избежать этого, путем выявления двух категорий знания; первая — это позитивизм, который находит широкое применение в технических приемах, относящихся к людям или материалам, и предлагает себя в качестве необходимой производительной силы системы; вторая — знание критическое, рефлексивное или герменевтическое, которое, задаваясь прямо или косвенно вопросом о ценностях или целях, противостоит всякому «повторному использованию»¹⁵.

---

¹³ Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. London: Secker & Warburg, 1967.

¹⁴ Колебаниями между этими двумя гипотезами пропитан призыв, призванный несмотря ни на что добиться участия интеллектуалов в системе: *Nemo Ph. La nouvelle responsabilité des clercs // Le Monde*. 8 septembre 1978.

¹⁵ Теоретическое противоборство между *Naturwissenschaft* и *Geistwissenschaft* ведет свое начало от В. Дильтея (1863-1911). См., например, на рус. яз.: Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических схемах // Новые идеи в философии. Спб., 1912. №1.

глава 5

характер социальной связи: перспектива постмодерна

Не будем здесь следовать разделённому решению. Мы полагаем, что альтернатива, которую эта перспектива стремится разрешить, а на деле только воспроизводит, перестаёт соответствовать интересующим нас обществам, и что сама эта альтернатива принадлежит ещё к мышлению по противоположности, которое не соотносится с наиболее живучими способами постмодернистского познания. Экономическая «активизация» на современной фазе развития капитализма, поддерживаемая изменениями техники и технологий, сопровождается, как мы уже говорили, изменением функции государства: начиная с этого синдрома формируется образ общества, который обязывает серьёзно пересмотреть подходы, представленные в качестве альтернативы. Короче говоря, функции регулирования, а значит и воспроизводства, уже являются и будут далее все более отчуждаться от управляющих и передаваться технике.

Самое важное дело здесь — давать информацию, которую технические средства должны держать в своей памяти, чтобы принимать правильные решения. Распоряжение информацией уже входит и будет входить в обязанности экспертов всех видов. Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения. Но он уже образуется не традиционным политическим классом, а разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий⁵².

В этом контексте новым является то, что бывшие полюса притяжения, созданные национальными государствами, партиями, профессиями, институтами и историческими традициями, теряют свою привлекательность. И не похоже, что они будут заменены, по крайней мере, в том масштабе, какой они сейчас имеют. Трехконтинентальная Комиссия не является больше популярным полюсом притяжения. «Отождествление» с великими именами, героями современной истории становится все более трудным⁵³. Больше не вдохновляет

---

⁵² М. Ален, распорядитель Планового управления Франции, писал: «Плановое управление — это исследовательское бюро правительства... Это еще и большой перекресток нации, перекресток, на котором встречаются идеи, где сталкиваются точки зрения и где формируются перемены... Нам нельзя оставаться одним. Нужно, чтобы другие нас просвещали...» (*L'Expansion*. Novembre 1978.) О проблеме принятия решений см.: *Gafgen G. Theorie der wissenschaftlichen Entscheidung*. Tübingen, 1963; *Sfez L. Critique de la décision*. Paris: Presse de la Fondation nationale des sciences politiques, 1976.

⁵³ Проследите за закатом в последние двадцать лет таких великих имен как Сталин, Мао, Кастро в качестве родоначальников революции. Подумайте о том, как потрескался образ президента Соединенных Штатов после Уотергейта.

стремление «догнать» Германию, что в общем-то предлагал президент Франции как цель жизни своим соотечественникам. К тому же, может ли это быть целью жизни? Такая цель остается на усмотрение каждого. Каждый предоставлен *сам себе*. И каждый знает, что этого «самому себе» — мало⁵⁴.

Из этой декомпозиции великих рассказов, которые мы будем рассматривать дальше, следует, что никто не рассматривает разрыв социальной связи и переход социальных групп в состояние некой массы, состоящей из индивидуальных атомов, вовлеченных в абсурдное броуновское движение⁵⁵. В этом ничего нет, это всего лишь одно видение, которым, как нам кажется, овладели «райские» представления о потерянном «органическом» обществе.

«Самость» это мало, но она не изолирована, а встраивается в сложную и мобильную, как никогда, ткань отношений. Независимо от того молодой человек или старый, мужчина или женщина, богатый или бедный, он

---

⁵⁴ Это центральная тема книги Музиля Р. Человек без свойств. Т. 1, 2. Москва: Ладомир, 1994. В комментариях к французскому изданию этой книги Ж. Буврес подчеркивает близость этой темы с темой «богооставленности» (*déréliction*) человека, связанной с «кризисом» науки в начале XX века и с появлением эпистемологии Э. Маха. Он приводит следующие свидетельства: «Учитывая, в частности, состояние науки, человек может быть сделан только из того, о чем ему говорят, что он есть, или из того, что делают с тем, что он есть... Это мир, в котором пережитые события становятся независимыми от человека... Это мир, где все «случается», происходит, однако без того, чтобы это было с кем-то, без кого-то, кто мог бы за это ответить». (*Bouveresse J. La problématique du sujet dans "L'Homme sans qualités" // Noroît (Arras). N°234 & 235. Décembre 1978 — janvier 1979.*)

⁵⁵ *Baudrillard J. A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social. Paris: Utopie, 1978.*

всегда оказывается расположенным на «узлах» линий коммуникаций, сколь бы малыми они ни были⁵⁶. Лучше сказать: помещенным в пунктах, через которые проходят сообщения различного характера. И даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, — будь то позиция отправителя, получателя или референта. Ибо его перемещение относительно эффектов этих языковых игр (понятно, что о них идет речь) допускается — по меньшей мере, в определенных пределах, которые к тому же весьма расплывчаты — и даже порождается различными отладками и особенно доводками, которым подвергают систему для улучшения ее перформативности. Можно сказать, что система может и должна способствовать этим перемещениям — в той мере, в какой она борется против собственной энтропии, и что нововведение, связанное с неожиданным «приемом» и соответствующим перемещением того или иного партнера или группы оказавшихся причастными партнеров, могут дать системе ту дополнительную перформативность, которая постоянно ей требуется и постоянно же потребляется⁵⁷.

Теперь становится понятным, в какой перспективе мы предлагали выше языковые игры в качестве общего исследовательского метода. Мы не настаиваем на том,

---

⁵⁶ Это терминология теории систем; например, Ф. Немо (Op.cit.) пишет: «Представим общество в виде системы в кибернетическом смысле этого слова. Такая система есть сеть коммуникаций с перекрестками, на которых коммуникация накладывается друг на друга и откуда она перераспределяется...»

⁵⁷ Ж.-П. Гарнье приводит следующий пример: «Информационный центр по социальным инновациям, руководимый А. Дужье и Ф. Блох-Лане, имеет своей задачей рецензировать, анализиро-

что каждая социальная связь носит именно такой характер, оставим этот вопрос открытым; но считаем, что, во-первых, языковые игры есть необходимый для существования общества минимум связи. Чтобы согласиться с этим, нет необходимости прибегать к робинзонаде: человеческий ребенок еще до своего рождения, а может быть уже самым даваемым ему именем, оказывается соотношенным с историей через свое окружение⁵⁸, и по отношению к этой истории он позже начнет перемещаться. Или еще проще: вопрос о социальной связи, в качестве вопроса, есть языковая игра, игра в «вопросание», которая немедленно позиционирует того, кто задает вопрос; того, к кому этот вопрос обращен и референт, о котором вопрошают. Сам вопрос является, таким образом, уже социальной связью.

Во-вторых, в обществе, где коммуникационная составляющая становится с каждым днем все явственнее, одновременно как реальность и как проблема⁵⁹, очевидно, что языковой аспект приобретает новое значение, которое было бы неверно сводить к традиционной альтернативе манипуляционной речи или односторонней

вать и распространять информацию о новых экспериментах в каждодневной жизни (образование, здоровье, правосудие, культурная деятельность, урбанизм и архитектура и т. п.). Этот банк данных по «альтернативным практикам» предлагает свои услуги государственным органам, ответственным за то, чтобы «гражданское общество» было цивилизованным обществом: Плановое управление, Секретариат социальной защиты и т. д.» (*Garnier J.-P. Op.cit. P. 93*).

⁵⁸ З. Фрейд особенно настаивал на этой форме «предуготовленности». См., например: *Robert M. Roman des origines, origine du roman*. Paris: Grasset, 1972.

⁵⁹ См. труды М.Серра, в частности, «Гермес»: *Serres M. Hermès. I — IV*. Paris: Minuit, 1969 — 1977.

передачи информации, с одной стороны, или же свободного выражения и диалога — с другой стороны.

Одно слово по последнему пункту. Описывать эту проблему в простых терминах теории коммуникации, значит забыть о двух моментах: сообщения имеют совершенно разные формы и результаты, в зависимости от того, являются ли они денотативными, прескриптивными, оценочными, перформативными и др. Несомненно, что все они существуют не только потому, что передают информацию. Свести их к этой функции означало бы согласиться с перспективой, которая неправомерно ставит в привилегированное положение точку зрения системы и один только ее интерес. Поскольку это кибернетическая машина, которая работает на информации, то задаваемые ей при программировании цели содержат, например, прескриптивные и оценочные высказывания, которые машина не будет исправлять при своем функционировании, например, максимизация ее производительности. Но как можно гарантировать, что максимизация производительности всегда является лучшей целью для социальной системы? «Атомы», формирующие материю социальной системы, во всяком случае, являются полномочными в отношении этих высказываний и, в частности, этого вопроса.

С другой стороны, информационная теория в ее грубой кибернетической версии упускает из виду решающий аспект, который мы уже подчеркивали, а именно — агонистический. Атомы расположены на пересечении прагматических связей, но они также перемещаются под воздействием информации, которая через них проходит, находясь в постоянном движении. Каждый языковой партнер, получая направленные на него «при-

емы», подвергается «перемещению», изменению самого разного рода, и не только когда он является отправителем или референтом, но также и в качестве получателя сообщения. Эти «приемы» неизбежно вызывают «ответные приемы»; однако, все знают по опыту, что эти последние не могут быть «хорошими», раз они всего лишь ответные. Поскольку они являются всего лишь запрограммированными эффектами в стратегии противника, то осуществляют именно ее и, следовательно, идут прямо противоположно в изменении соотношения сил. Отсюда то значение, которое имеет способ проведения «приема» для осложнения перемещения и даже его дезориентации; этот «прием» (новое высказывание) должен быть неожиданным.

Для понимания этого способа социальных отношений, в каком бы масштабе мы их не рассматривали, нужна не одна только коммуникативная теория, но также еще и теория игр, которая включает агонистику в свои предпосылки. И можно уже догадаться, что в этом контексте требуемое новшество не является простой «инновацией». У многих современных социологов мы находим поддержку этого подхода⁶⁰, не говоря уже о лингвистах или философах языка.

Такая «атомизация» социальности в гибких сетях языковых игр может показаться слишком далекой от современной действительности, которая представляется скорее блокированной бюрократическим артрозом⁶¹.

---

⁶⁰ *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh: U. of Edinburgh P., 1956; *Gouldner A. W.* Op.cit., chap. 10; *Touraine A.* La voix et le regard. Paris: Seuil, 1978; *Touraine A.* et al. Lutte étudiante. Paris: Seuil, 1978; *Callon M.* Sociologie des techniques? // *Pandore.* 1979. N°2. P. 28-32; *Watzlawick et al.* Op.cit.

⁶¹ См. выше примеч. 41. Тема общей бюрократизации как бу-

Можно по крайней мере указать на важность институций, которые накладывают ограничения на игры, а следовательно размечают границы изобретательности партнеров в плане применения приемов. Это, по-видимому, не составляет особой трудности.

При обычном использовании речи, например в разговоре между двумя друзьями, собеседники пускают в ход все средства, изменяя игру от одного высказывания к другому: вопрос, просьба, утверждение, рассказ — все бросается вперемешку в бой. Это бой не без правил⁶², но ее правило разрешает и даже стимулирует весьма большую изменчивость высказываний.

Таким образом, с этой точки зрения, институция всегда отличается от дискуссии, тем, что она требует дополнительных ограничений, чтобы декларируемые высказывания были приемлемыми для нее. Эти ограничения как фильтры действуют на силу дискурса, они обрывают возможные связи в коммуникативных сетях: есть вещи, о которых нельзя говорить. Кроме того, они отдают предпочтение некоторым классам высказываний, а иногда и одному единственному, господство которого характеризует дискурс определенной институции: нужно говорить об определенных вещах и в определенной манере. Как, например, команда в армии, молитва в церкви, доносительство в школе, рассказ в семье, задавание вопросов в философии, производительность на предприятии... Бюрократизация есть крайнее проявление этой тенденции.

душего современных обществ раскрывалась еще у Рицци: *Rizzi B. La bureaucratisation du monde. Paris, 1939.*

⁶² *Grice H.P. Logic and Conversation//Speech Act III. Syntax and Semantics / Cole P., Morgan J.J. (ed.). N.Y.: Academic P., 1975. P. 59-82.*

Тем не менее, эта гипотеза об институции еще слишком «тяжела»: она исходит из «вещного» видения того, что институтировано. Сегодня нам известно, что граница, которую ставит институция потенциалу языка, на «деле» никогда не была установлена (даже, когда формально она имеется⁶³). Эта граница сама скорее является промежуточным результатом и ставкой языковых стратегий, применяемых как в, так и вне институции. Например, возможна ли в университете игра в эксперименты с языком (поэтика)? Можно ли рассказывать анекдоты совету министров? Дискутировать в казарме? Ответы очевидны: да, если университет открывает творческие мастерские; да, если совет работает с футурологическими сценариями; да, если старший по чину согласен обсуждать вопросы с солдатами. Говоря другими словами: да, если границы старой институции передвинуты⁶⁴. И наоборот, границы становятся незыблемыми, если они прекращают быть ставкой в игре.

Именно в этом смысле, следует, как нам кажется, подходить к рассмотрению современных институтов знания.

---

⁶³ О феноменологическом подходе к проблеме см. М. Мерло-Понти: *Merleau-Ponty M.* (ed. Cl. Lefort). *Résumés de cours*. Paris: Gallimard, 1968 (курс лекций 1954-55г.) О психоаналитическом подходе: *Loureau R. L'analyse institutionnelle*. Paris: Minuit, 1970.

⁶⁴ В указ. выше работе М. Калона читаем: «Социологизм есть движение, которым акторы устанавливают и учреждают различия; границы между социальным и не социальным; тем, что относится к техническому и что не относится; воображаемым и реальным: линия, прочерчивающая эти границы, есть ставка в борьбе и никакой консенсус не возможен, за исключением случая тотального господства». Ср. с рассуждениями Турена по поводу так называемой «перманентной социологии» (*Touraine A. La voix et le regard*. Paris: Seuil, 1978).

глава 6

прагматика нарративного знания

Против не критического принятия концепции инструментального знания в наиболее развитых обществах у нас есть два возражения, о которых мы уже говорили выше. Знание — это не наука, особенно в ее современной форме; эта последняя, хотя и не может затемнить проблему легитимности знания, заставляет нас ставить эту проблему во всей ее не только социо-политической, но и эпистемологической полноте. Уточним для начала природу «нарративного» знания; такой анализ поможет путем сравнения лучше обозначить по меньшей мере некоторые из характеристик формы, которую принимает научное знание в современном обществе; он также дает возможность понять, как сегодня можно, а как нельзя ставить вопрос о легитимности.

Знание не сводится к науке и даже вообще к познанию. Познание можно трактовать как совокупность высказываний, указывающих предметы или описывающих

их⁶⁵ (за исключением всех остальных высказываний), и по отношению к которым можно сказать верны они или ложны. Наука в этом смысле является областью познания. Но даже если наука формулирует денотативные высказывания, то она предполагает два дополнительных условия их приемлемости: первое — предметы, к которым они относятся должны быть рекурсивно доступными, и, следовательно, находиться в эксплицитных условиях наблюдения; и второе — имеется возможность решать принадлежит или нет каждое из этих высказываний языку, который эксперты считают релевантным⁶⁶.

Между тем, под термином «знание» понимается не только совокупность денотативных высказываний (хотя конечно и она); сюда примешиваются и представления о самых разных умениях: делать, жить, слушать и т. п. Речь, следовательно, идет о компетенции, которая выходит за рамки определения и применения истины как единственного критерия, но помимо этого оценивается по критериям деловым (техническая квалификация), справедливости и/или добра (нравственная мудрость), красоты звучания, окраски (аудио и визуальная чувствительность) и т. д. Понимаемое таким образом знание есть то, что делает кого-либо способным

---

⁶⁵ Аристотель строго ограничивал предмет познания, определяя то, что он называл апофантикой: «Любая речь что-то означает (*sémantikos*), но не любая речь является денотативной (*apophantikos*): таковой является только та, про которую можно сказать верно или ошибочно. Однако, это не всегда возможно: молитва, например, это речь, но она ни верна, ни ложна» (*Péri herméneias*; 4, 17a).

⁶⁶ *Popper K. Logik der Forschung*. Vienne: Springer, 1935; *id.* *Normal Science and its Dangers // Criticism and the Growth of Knowledge / Latakos I. & Musgrave A. (ed.)*. Cambridge (GB) U.P., 1970. Vol. I.

произносить «хорошие» денотативные высказывания, а также «хорошие» прескриптивные или оценочные высказывания... Оно не сводится к компетентности, направленной на какой-то один вид высказываний, скажем, когнитивных, и исключении других. Напротив, оно дает возможность получать «хорошие» достижения по многим предметам дискурса, которые нужно познать, решить, оценить, изменить... Отсюда вытекает одна из главных черт знания: оно совпадает с широким «образованием» компетенции, оно есть единая форма, воплощенная в субъекте, состоящем из различных видов компетенции, которые его формируют.

Другой характеристикой, которую нужно отметить, является близость такого знания к обычаю. Что же на самом деле, представляет собой «хорошее» прескриптивное или оценочное высказывание или «хорошее» достижение в денотативной или специальной области? И те, и другие считаются «хорошими», поскольку соответствуют критериям (справедливости, красоты, правды и деловитости), установленным в сообществе, которое образуют собеседники «знающего». Первые философы⁶⁷ называли такой способ легитимации высказываний мнением. Консенсус, который позволяет очертить такого рода знание и различать того, кто знает от того, кто не знает (иностранец, ребенок), составляет культуру народа⁶⁸.

Такое краткое напоминание о том, что знание может выступать как образование или как культура, опи-

---

⁶⁷ *Beaufret J.* Le poème de Parménide. Paris: PUF, 1955.

⁶⁸ Здесь «*Bildung*» еще и в смысле, который ему придавал культурализм (англ. «*culture*»). Этот термин преромантизма и романтизма (ср. у Гегеля «*Volksgeist*»).

рается на этнографические описания⁶⁹. Но антропология и литература, ориентированные на общества, переживающие быстрое развитие, также находят в них свое продолжение, по крайней мере, в определенных секторах⁷⁰. Сама идея развития предполагает горизонт некоей неразвитости, где разные компетентности предполагаются связанными единством традиции и не делятся в зависимости от качеств, составляющих предмет инноваций, дискуссий и специфического ракурса рассмотрения. Эта оппозиция необязательно должна учитывать изменение природы состояния знания от «примитивного» к «цивилизованному»⁷¹, она вполне совместима с тезисом о строгом тождестве «дикого» и научного мышления⁷², и даже с оппозицией, как бы противоположной предыдущей, дающей превосходство обычному знанию над современной дисперсией компетенций⁷³.

Можно заметить, что все наблюдатели, каким бы ни был сценарий, предлагаемый ими для того, чтобы драматизировать и осмыслить расхождение между этим обычным состоянием знания и тем состоянием, которого оно достигает в эпоху расцвета наук, сходятся во мнении, что в формировании традиционного знания первенствует нарративная форма. Одни рассматрива-

---

⁶⁹ См. американскую школу культурализма: *C. DuBois, A. Kardiner, R. Linton, M. Mead.*

⁷⁰ Например, учреждение европейского фольклора с конца XVIII века в отношении с романтизмом: исследования братьев Гримм, Вука Каратича (народные сербские сказки), и т. д.

⁷¹ Это был, коротко, тезис Лёви-Брюля (*Lévy-Bruhl L. La mentalité primitive. Alcan, 1922*).

⁷² *Lévi-Staussé Cl. La pensée sauvage. Paris: Plon, 1962.*

⁷³ *Jaulin R. La paix blanche. Paris: Seuil, 1970.*

ют эту форму саму по себе⁷⁴. Другие видят в ней оформление в диахронном плане структурных операторов, которые, по их мысли, собственно и составляют знание, оказывающееся, таким образом, в игре⁷⁵. Третьи дают этому «экономическое» — в фрейдистском смысле — толкование⁷⁶. Мы здесь остановимся только на нарративной форме. Рассказ — это самая лучшая в самых разных смыслах форма такого знания.

Прежде всего, народные истории сами рассказывают о том, что можно назвать положительными или отрицательными образованиями (*Bildungen*), т. е. успехами или неудачами, которые венчают героев и либо дают свою легитимность общественным институтам (функция мифов), либо предлагают положительные или отрицательные модели (счастливые или несчастные герои) интеграции в установленные институты (легенды, сказки). Таким образом, рассказы позволяют, с одной стороны, определить критерии компетентности, свойственные обществу, в котором они рассказываются, а с другой — оценить, благодаря этим критериям, результаты, которые в нем достигаются или могут быть достигнуты.

Далее, нарративная форма, в отличие от развитых форм дискурса знания, допускает внутри себя множественность языковых игр. Так, в рассказе можно найти во множестве денотативные высказывания, относящи-

---

⁷⁴ Propp V. Morphologie of the Folkrale // International Journal of Linguistics. N°24, octobre 1958.

⁷⁵ Lévi-Stausse Cl. La structure des mythes (1955) // Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958; *id.* La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp // Cahiers de l'Institut de science économique appliquée. N°99. Série M, mars 1960.

⁷⁶ Roheim G. Psychoanalysis and Anthropology. N.Y., 1950.

еся, например, к небу, ко временам года, к флоре и фауне; деонтические высказывания, предписывающие что нужно делать в отношении самих этих референтов или в отношении родства, различия полов, детей, соседей, чужеземцев и т. д.; вопросительные высказывания, которые включаются, например, в эпизоды вызова (ответить на вопрос, выбрать часть из доли); оценочные высказывания и пр. Критерии оказываются здесь переплетенными в плотную ткань, а именно, ткань рассказа, и упорядоченными в виду целостности, характеризующей этот род знания.

Ниже мы рассмотрим третье свойство, относящееся к передаче этих рассказов. Их повествование чаще всего подчиняется правилам, закрепляющим их прагматику. Это не значит, что по установлению такое-то общество назначает на роль повествователя такую-то категорию по возрасту, полу, семейному или профессиональному положению. Мы говорим здесь о прагматике народных рассказов, которая им, если можно так сказать, имманентна. Например, рассказчик индейского племени кашинахуа⁷⁷ всегда начинает свое повествование с одной и той же формулы: «Вот история о ... Издавна я слышал ее. Сейчас я в свой черед расскажу ее вам. Слушайте». А заканчивал он другой неизменной формулой: «На этом кончается история о ... Рассказал вам ее ... [имя рассказчика, данное ему кашинахуа], для Белых ... [испанское или португальское имя того же рассказчика]»⁷⁸.

Беглый анализ такого двойного прагматического указания показывает следующее: рассказчик истории об-

⁷⁷ *Ans André M., de. Le dit des vrais hommes. Paris: 10/18, 1978.*

⁷⁸ *Ibid. P. 7.*

ладает компетенцией, только потому, что он был когда-то ее слушателем. Сегодняшний слушатель через это слушание получает в потенции такую же возможность. О рассказе сказано, что он пересказывается (даже если его нарративная действенность в сильной степени вымышленна) и пересказывается «извечно»: его герой, тоже индеец кашинахуа, был в свое время слушателем, а потом может быть и рассказчиком этого же рассказа. В силу такого сходства положения сегодняшний рассказчик может стать затем героем рассказа, также как им стал Старейшина. На деле, он уже является героем, поскольку носит имя, которое он сообщает в конце своего повествования, и которое было ему дано в соответствии с каноническим рассказом, легитимирующим распределение патронимов [отчеств] у кашинахуа.

Прагматическое правило, проиллюстрированное этим примером, конечно не распространяется на все случаи⁷⁹. Но оно показывает один из признаков общепризнанного свойства традиционного знания: нарративные «посты» (отправитель, получатель, герой) распределяются таким образом, что право занять один из них — пост отправителя — основано на двояком факте: на том, что [такой-то индивид] ранее занимал другой пост — получателя, и на том, что о нем — благодаря имени, которое он носит — уже говорилось в рассказе, т. е. на факте быть помещенным в позицию диегетического (*diégétique*) референта других нарративных случаев⁸⁰. Знание, которое передается этими повествования-

---

⁷⁹ Мы выбрали этот пример из-за прагматического «ярлыка», которым окружена передача рассказов и чья антропология старательно нам передается. См.: *Clusters P. Le grand Parler. Mythes et chants sacrés des Indiens Guaranis*. Paris: Seuil, 1974.

⁸⁰ О нарратологии, которая вводит в анализ прагматическое

ми, практически не связано с одними только функциями высказывания, но определяет, таким образом, сразу и то, что нужно сказать, чтобы тебя услышали, и то, что нужно слушать, чтобы получить возможность говорить, и то, что нужно играть (на сцене диегетической действительности), чтобы суметь создать предмет рассказа.

Языковые акты⁸¹, свойственные этому роду знания, таким образом, осуществляются не только тем, кто говорит, но и тем, к кому обращена речь, а также третьим лицом, о котором говорится. Знание, образующееся в такой конструкции, может показаться «компактным» по сравнению с так называемым «развитым» знанием. Оно позволяет ясно видеть, как традиция рассказов является в то же время традицией критериев, которые определяют тройную компетенцию — умение говорить, слушать и делать, — где разыгрываются отношения внутри самого сообщества и с его окружением. Именно через рассказы передается набор прагматических правил, конституирующих социальную связь.

Четвертый аспект нарративного знания заслуживает тщательного рассмотрения. Речь идет о его влиянии на темп. Повествовательная форма подчиняется определенному ритму, она является синтезом метра, разбивающего темп на правильные периоды, и ударения, модифицирующего длительность и амплитуду некоторых из них⁸². Это вибрирующее и музыкальное свой-

---

измерение, см. тр. Ж. Женета: *Genette G. Figures III*. Paris: Seuil, 1972.

⁸¹ См. примеч. 34 данной книги.

⁸² Отношение метр/ударение, образующее и изменяющее ритм, находится в центре гегелевской рефлексии над спекуляцией. См.: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Предисловие, § 4.

ство со всей очевидностью проявляется при ритуальном исполнении некоторых кашинахуанских сказок. Они передаются в ситуациях посвящения, в совершенно неизменной форме, специфическим языком, скрывающим лексические и синтаксические нарушения, и поются как бесконечные монотонные речитативы⁸³. Это весьма загадочное знание, неподдающееся пониманию молодых людей, к которым оно адресуется!

И, тем не менее, это очень распространенное знание: знание детских считалочек, знание, которое репетитивная музыка вплоть до наших дней пытается заново открыть или хотя бы приблизиться к нему. Оно дает пример удивительного свойства: по мере того, как метр одерживает верх над ударением во всех звуковых, речевых или неречевых, обстоятельствах, темп перестает быть подпоркой запоминания и превращается в древнее отбивание ударов, которое за отсутствием заметной разницы между периодами не позволяет их просчитывать и заставляет забыть о них⁸⁴. Если мы посмотрим на форму поговорок, пословиц, максим, которые представляют собой как бы крохотные сколки с возможных рассказов или матрицы старинных рассказов, и которые все еще продолжают циркулировать на некоторых уровнях современного общества, то сможем обнаружить в ее просодии печать этой странной темпорализации, которая полностью расходится с золотым правилом сегодняшнего знания — не забывать.

Итак, должна существовать конгруэнтность между,

---

⁸³ Эта информация любезно предоставлена А.М. д'Анс, которого мы благодарим.

⁸⁴ См.: *Charles D. Le temps de la voix*. Paris: Delarge, 1978; *Avron D. L'appareil musical*. Paris: 10/18, 1978.

с одной стороны, такой функцией нарративного знания как «забвение» (*léthale*) и с другой — функциями формирования критериев, унификации компетенций и социальной регуляции, о которых мы говорили выше. Для простоты мы могли бы сказать, что коллективность, которая делает из рассказа ключевую форму компетенции, вопреки нашим ожиданиям, не имеет потребности в воспоминаниях о своем прошлом. Она находит вещь-своей социальной связи не только в значении передаваемых рассказов, но и в самом акте их рассказывания. Референция рассказов может, безусловно, принадлежать прошедшему времени, но в действительности она всегда современна акту «здесь и теперь», который всякий раз проявляет эфемерную темпоральность, стирающуюся от «Я слышал, что...» до «Сейчас вы услышите...»

Суть прагматических правил повествования такого рода в том, что они указывают принципиальную идентичность всех обстоятельств рассказа. Она даже может ничего не значить, как это часто бывает, и из уважения к этикету не стоит прикрываться тем, что за этим стоит юмор или страх. Тем не менее, значение придается именно метрическому отбиванию обстоятельств рассказа, а не различию удара каждого перформанса. Поэтому мы можем назвать такую темпоральность одновременно мимолетной и древней⁸⁵.

Наконец, также как эта коллективность, отдающая первенство нарративной форме, не нуждается в воспоминаниях о своем прошлом, она, тем более, не нужда-

---

⁸⁵ *Eliade M.* Le mythe de l'éternel retour: Archétypes et répétitions. Paris: Gallimard, 1949.

ется в специальных процедурах дающих разрешение на ее рассказы. Прежде всего, с трудом можно представить, что она отделяет повествовательную инстанцию от других, чтобы дать ей некую привилегию в прагматике рассказов, и потом, что она задается вопросом о праве, по которому рассказчик, оторванный как от слушателя, так и от диегесиса, стал бы рассказывать то, что он рассказывает, и наконец, что она предпринимает анализ или анамнез собственной легитимности. Еще сложнее представить себе, что она может атрибутировать непонятому субъекту повествования власть над рассказами. Эти последние сами себе дают власть. А народ, в некотором смысле, только тот, кто их актуализирует, и делает он это не только рассказывая, но и слушая, а еще становясь героем этих рассказов, иначе говоря, «играя» в них в своих институтах: следовательно, равно соотносясь как с постами получателя повествования и диегесиса, так и с постом повествователя.

Существует также взаимонесоразмерность между народной повествовательной прагматикой, которая изначально является легитимирующей, и такой известной на Западе языковой игрой, как вопрос о легитимности или, скорее, легитимность как референт вопросительной игры. Рассказы, как мы видели, определяют критерии компетенции и/или иллюстрируют ее применение. Они, таким образом, определяют, что имеет право говориться и делаться в культуре и, поскольку они сами составляют ее часть, то тем самым оказываются легитимными.

глава 7

прагматика научного знания

Постараемся охарактеризовать, хотя бы очень бегло, прагматику научного знания, какой она видится, исходя из классической его концепции. Будем различать в ней исследовательскую игру и обучающую игру.

Коперник заявил, что планеты имеют круговую траекторию⁸⁶. Истинное или ложное, это предложение содержит группу напряженностей, каждая из которых осуществляется на каждом из прагматических постов, вводимых в игру: отправителя, получателя, референта. Эти «напряженности» являются разновидностями предписаний, регулирующих приемлемость высказываний в качестве «научных».

Прежде всего, предполагается, что отправитель говорит истину о референте, в нашем примере — о траек-

---

⁸⁶ Данный пример взят из работы Фреге «Ueber Sinn und Bedeutung» (1892).

тории планет. Это значит, что его считают способным, с одной стороны, представить доказательства того, что говорит, а с другой, — что всякое высказывание, относящееся к тому же референту, но обратное или противоречащее ему, отбрасывается.

Допускается также, что получатель может дать надлежащим образом свое согласие с высказыванием, которое он слышит (или отвергнуть его). Это подразумевает, что сам он является потенциальным отправителем, поскольку, когда он формулирует свое одобрение или неодобрение, то подчиняется тому же двойному требованию — доказать или опровергнуть, — что и актуальный отправитель (Коперник). Следовательно, в потенции получатель должен обладать теми же качествами, что и отправитель: он ему ровня. Но узнать об этом мы можем тогда и только тогда, когда он заговорит. Возможно, он не умеет говорить об этом научно.

В-третьих, предполагается, что референт (траектория планет, о которой говорит Коперник) «выражен» через высказывание в форме, соответствующей тому, чем он является. Но поскольку мы не можем узнать, чем он является, иначе, как через высказывания того же, что и высказывание Коперника, порядка, то составление уравнения становится проблематичным: то, что я говорю, верно, поскольку я это доказываю; но что доказывает, что мое доказательство верно?

Научное решение данного затруднения состоит в соблюдении двойного правила. Первое есть диалектика или даже риторика юридического типа⁸⁷: референт

---

⁸⁷ *Latour Br. La rhétorique du discours scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1977. N°13.*

есть то, что предлагает аргумент для доказательства, деталь для убеждения в споре. Не «я могу доказать, поскольку действительность такова, как я сказал», но «поскольку я могу это доказать, то можно считать, что действительность такова, как я сказал»⁸⁸. Второе — метафизика: один и тот же референт не может предоставлять множество противоречащих или необоснованных доказательств; или аргументов типа: «Бог не обманщик»⁸⁹.

Такое двойное правило поддерживает то, что наука XIX века называет верификацией, а наука XX века — фальсификацией⁹⁰. Оно позволяет дать спору партнеров, отправителя и получателя, горизонт консенсуса. Никакой консенсус не может быть показатель истины, но предполагается, что истина высказывания не может не породить консенсус.

Это для исследования. Мы видим, что оно призывает обучение как необходимое для него дополнение. Поскольку специалисту нужен получатель его высказывания, который в свой черед может стать отправителем, т. е. партнером. Помимо того, что без обсуждения противоречий становится невозможной проверка его высказывания, компетенция без обновления также становится невозможной. В таком споре не только истинность его высказывания, но сама его компетенция ставится под вопрос, поскольку она не есть нечто раз и навсегда приобретенное, а зависит от того, считается или нет в кругу равных предложенное высказывание чем-то подлежащим обсуждению посред-

---

⁸⁸ *Bachelard G.* Le nouvel esprit scientifique. Paris: PUF, 1934.

⁸⁹ *Descartes.* Méditations métaphysiques. 1641. Méditation IV.

⁹⁰ *Hempel K.* Philosophy of Natural Science. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1966.

ством доказательств и опровержений. Истинность высказывания и компетенция высказывающего зависят, таким образом, от одобрения коллектива равных по компетенции. Следовательно, нужно формировать равных.

Дидактика обеспечивает такое воспроизводство. Она отличается от диалектической игры исследования. Для краткости, первой его предпосылкой является то, что получатель высказывания — студент — не знает того, что знает отправитель, собственно поэтому ему есть чему поучиться. Вторая предпосылка заключается в том, что он может выучиться и стать экспертом того же уровня компетенции, что и учитель⁹¹. Это двойное требование предполагает третье: существуют высказывания, по поводу которых уже состоявшийся обмен аргументами и приведенными доказательствами, формирующими прагматику исследования, считается достаточным, и поэтому они могут передаваться в процессе обучения в том виде, в каком есть, как не подлежащие более обсуждению истины.

Иначе говоря, преподают то, что знают: таков эксперт. Но по мере того, как студент (получатель дидактики) наращивает свою компетенцию, эксперт может дать ему знать о том, что он не знает, но хочет узнать (если этот эксперт является в то же время по меньшей мере исследователем). Так студент вводится в диалектику исследования, т. е. в игру формирования научного знания.

---

⁹¹ Мы не можем рассмотреть здесь все трудности, которые вызывает такая двойная предпосылка. См. по этому вопросу: *Descombes V. L'inconscient malgré lui. Paris: Minuit, 1977.*

Если сравнить эту прагматику с прагматикой нарративного знания, то можно отметить следующие особенности:

1. Научное знание требует выбора одной из языковых игр — денотативной, и исключения других. Критерий приемлемости высказывания — оценка его истинности. Конечно, мы встречаем здесь и другие классы высказываний: вопросительные («Как объяснить, что...?») и прескриптивные («Предположим, дан исчислимый ряд элементов...»), но они здесь служат только для сочленения диалектической аргументации, и последняя должна завершиться денотативным высказыванием⁹². Следовательно, некто является ученым (в этом смысле), если способен сформулировать истинное высказывание на предмет некоего референта, и специалистом, если может сформулировать высказывания верифицируемые или фальсифицируемые на предмет референта, принимаемого экспертами.

2. Это знание оказывается, таким образом, изолированным от других языковых игр, чье сочетание формирует социальную связь. Оно больше не является непосредственной и общепринятой составляющей, как в случае нарративного знания, но косвенной составляющей, поскольку становится профессией и образует институты, и потому что в современном обществе языковые игры реализуются в форме институтов, которые приводятся в движение квалифицированными партнерами, профессионалами. Связь между знанием и обще-

---

⁹² Это наблюдение маскирует значительную трудность, возникающую также и при анализе наррации. Трудность эта состоит в различении языковых игр и родов дискурса. Мы здесь ее рассматривать не будем.

ством (т. е. совокупностью партнеров в общей агонистике в качестве тех, кто не является профессионалами науки) экстериоризуется. Появляется новая проблема — отношение между научным институтом и обществом. Может ли данная проблема быть решена лишь средствами дидактики, например, согласно предположению, что всякий социальный атом может приобрести научную компетенцию?

3. В рамках исследовательской игры требуемая компетенция обращена только на пост высказывающего. Не существует особого вида компетенции получателя высказывания (она проявляется только в ситуации обучения: студент должен быть умным). Он не имеет никакой компетенции как референт. Даже если речь идет о гуманитарных науках, то референт, которым в таком случае является какой-то аспект человеческого поведения, является в принципе внешним по отношению к партнерам из научной диалектики. Здесь нет, как в нарративе, основания быть тем, о чем знание говорит, что оно есть.

4. Научное высказывание не извлекает никакой законности из того, о чем оно говорит. Даже в области педагогики его дают лишь постольку, поскольку в настоящее время его всегда можно проверить с помощью аргументов и доказательств. Само по себе, оно всегда находится в опасности «фальсификации»⁹³. Таким образом, знание, накопленное в ранее принятых высказываниях, всегда может быть отвергнуто. И наоборот, всякое новое высказывание, если оно противоречит высказыванию, принятому ранее как законное, может

---

⁹³ См. примеч. 90.

приниматься как законное только, если оно опровергнет предыдущее посредством аргументов и доказательств.

5. Научная игра содержит, следовательно, диахронную темпоральность, т. е. память и проект. Предполагается, что актуальный отправитель научного высказывания имеет познания в области высказываний, относившихся ранее к его референту (библиография) и не предлагает высказываний на ту же тему, если они не отличаются от общепризнанных. То, что мы назвали «ударением» в каждом перформансе, получило здесь преимущество над «метром», отсюда и полемическая функция этой игры. Эта диахронность, предполагающая накопление в памяти и исследование нового, в принципе, очерчивает кумулятивный процесс. «Ритм» этого последнего, который суть отношение удара к метру, изменяется⁹⁴.

Названные особенности известны. Однако, стоит напомнить о них по двум причинам. Во-первых, параллельное сравнение науки и ненаучного (нарративного) знания дает понять или, по крайней мере, почувствовать, что в существовании первого необходимости не больше, чем во втором, хотя и не меньше. Одно и другое сформированы совокупностями высказываний; высказывания являются «приемами», направленными на игроков в рамках общих правил; эти правила являются специфическими для каждого знания, и «прием», который считается хорошим здесь, не может быть таким же там, за исключением каких-то совпадений.

---

⁹⁴ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Мы не смогли бы судить ни о существовании, ни о ценности нарративное, если бы отталкивались от научного, и наоборот: соответствующие критерии не одинаковы здесь и там. Можно было бы, конечно, удовлетворяться любованием этим разнообразием видов дискурса, как это бывает в растительном или животном мире. С другой стороны, сетовать на «утрату смысла» в эпоху постмодерна значит сожалеть, что знание больше не является в основном нарративным. Но это одно противоречие. Другое — не меньше первого и состоит в желании отделить или произвести (через такие операторы, как, например, развитие и т. п.) научное знание от нарративного, как если бы это последнее содержало первое в зародыше.

Между тем, виды языка, как и живые виды, вступают между собой в отношения и, надо признать, не всегда гармоничные. Другая причина, которая может оправдать беглое напоминание характеристик языковой игры науки, касается конкретно ее соотношения с нарративным знанием. Мы уже сказали, что это последнее не придает большого значения вопросу своей легитимации; оно подтверждает самое себя через передачу своей прагматики и потому не прибегает к аргументации или приведению доказательств. Именно поэтому оно соединяет непонимание проблем научного дискурса с определенной толерантностью к нему: оно рассматривает его всего лишь как разновидность в семье нарративных культур⁹⁵. Обратное неверно. Научное задается вопро-

---

⁹⁵ О позиции детей во время первых научных занятий или о манере, с которой аборигены толкуют объяснения этнологов, см. работу: *LéviStrauss Cl. La pensée sauvage*. Loc.cit. Chapitre I «La science du concret».

сом о законности нарративных высказываний и констатирует, что они никогда не подчиняются аргументам и доказательствам⁹⁶. Оно относит их к другой ментальности: дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии. Рассказы являются вымыслами, мифами, легендами, годными для женщин и детей. В лучшем случае, в эту темноту обскурантизма пытаются впустить луч света, цивилизовать, обучить, развить.

Такое неравное отношение есть эффект присущий правилам всякой игры. Его признаки известны. Свидетельство тому — вся история культурного империализма, начиная с первых шагов Запада. Главное, знать его содержание, которое отличает его от всех других: оно продиктовано требованием легитимации.

---

⁹⁶ Так, Метро говорит Кластресу: «Чтобы изучить первобытное общество, нужно чтобы оно уже начало разлагаться». В самом деле, нужно, чтобы информаторабориген смог его проанализировать глазами этнолога, спрашивая себя о функционировании его институтов, а следовательно, — о его легитимности. Рассуждая о своем провале в племени ахе, Кластрес делает вывод: «И поэтому в одно и то же время ахе принимают подарки, которых они не просили, и отказываются от всех попыток диалога, потому что они были достаточно сильными, чтобы в нем не нуждаться. Мы сможем начать с ними говорить, когда они заболеют». (Цитируется по: *Cartry M. Pierre Clastres // Libre. N°4. 1978.*).

глава 8

нарративная функция и легитимация знания

Сегодня проблема легитимации уже не рассматривается как неисправность в языковой игре науки. Правильнее было бы сказать, что она сама является легитимной как проблема, т. е. как эвристическая движущая сила. Но манера ее толкования по инверсии еще свежа. Прежде, чем прийти к этому (т. е. к тому, что некоторые называют позитивизмом), научное знание пыталось найти другие решения. Примечательно, что в течении долгого времени эти решения не могли уйти от использования процедур, которые явно или скрыто прибегали к нарративному знанию.

Такой возврат в той или иной форме к нарративу в ненарративном не следует расценивать как оставшийся теперь навсегда позади. Грубый пример: что делают ученые, сделавшие какое-то «открытие», когда их приглашают на телевидение, интервьюируют в газетах и т. п.? Они рассказывают эпопею о знании, которое, од-

нако, совсем неэпическое. Они удовлетворяют, таким образом, правилам нарративной игры, давление которых остается сильным не только в средствах массовой информации, но и в глубине души самих ученых. Однако подобного рода факт не является тривиальностью или излишеством: он касается отношения между научным знанием и так называемым «народным» (или тем, что от него осталось). Государство может тратить много средств на то, чтобы наука могла представляться как эпопея: с ее помощью оно становится внушающим доверие, создает общественное одобрение, в котором нуждаются сами решающие лица⁹⁷.

Нельзя, следовательно, исключить, что обращение к нарративу неизбежно; по крайней мере, настолько, насколько языковая игра науки стремится к истинности своих высказываний, но не имеет возможности легитимировать ее собственными средствами. В этом случае следовало бы признать потребность в неприводимой истории, которую еще нужно осмыслить, например, так, как мы уже это наметили, т. е. не как потребность что-то вспомнить или заглянуть в будущее (потребность в историзме, потребность расставить акценты), но напротив, как потребность забыть (потребность в *metrum*).

В любом случае, пока еще рано говорить обо всем этом. Но будем держать в уме во время наших последующих рассуждений идею, что кажущиеся устаревшими

---

⁹⁷ О сциентистской идеологии см. публикации в журнале «*Surviv-re*» (N°9, 1971), проанализированные затем Жобером и Леви-Леблон-дом (*Jaubert, Lévi-Leblond. Op.cit. P. 51 sq.*). В конце этого сборника дается библиография периодики и список групп, борющихся против различных форм подчинения науки системе.

решения, которые может получить проблема легитимации, являются таковыми не в принципе, а только в выражениях, которые они приняли, так что не приходится удивляться, что они продолжают сегодня существовать в других формах. Да и мы сами: нет ли у нас и теперь потребности сочинить рассказ о западном научном знании, чтобы уточнить его статус?

С самого начала языковых игр новая игра сталкивалась с проблемой легитимации: пример, Платон. Здесь не место толковать отрывки из «Диалогов», где прагматика науки устанавливается явным образом как тема или скрытым — как предпосылка. Диалог как игра со своими специфическими требованиями резюмирует эту прагматику, включая в себя две функции: исследования и преподавания. Тут обнаруживаются некоторые правила, приведенные нами выше: аргументация в целях одного только консенсуса (*homologia*), единственность референта как гарантия возможности добиться согласия, паритета между партнерами и даже не прямое признание в том, что речь идет об игре, а не о судьбе, потому что из нее оказываются исключенными все те, кто — по слабости или из грубости — не принимает ее правил⁹⁸.

Вместе с тем, вопрос о легитимации самой игры, принимая во внимание ее научную природу, также должен стать частью вопросов, задаваемых в диалоге. Известный пример этому (тем более важный, что объединяет сразу этот вопрос с вопросом о социо-политическом авторитете) дается в VI и VII книгах «Государства». Следовательно, мы знаем, что ответ взят, по меньшей мере отчасти, из рассказа: аллегория пещеры, рассказываю-

---

⁹⁸ *Goldschmidt V. Les Dialogues de Platon. Paris: PUF, 1947.*

щая, почему и как люди хотят слушать рассказы и не признают знание. Это последнее оказывается к тому же основанным на рассказе ее мученика.

Больше того, усилие легитимации складывает оружие перед нарратацией: это видно уже в самой форме «Диалогов», которую им придал Платон; каждый из них облечен в форму рассказа о научной дискуссии. Неважно, что история спора здесь скорее показана, чем изложена, инсценирована, чем поведена⁹⁹; что она содержит больше трагического, чем эпического. Остается фактом, что платоновская речь, восхваляющая науку, ненаучна, и это тем более верно, что ей удастся достичь легитимации науки. Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оно, оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку. Но не скатывается ли оно точно также, позволяя себе рассказ?

Здесь не место отслеживать этот возврат нарративного в научное знание, через легитимирующие речи этого последнего, которыми, хотя бы отчасти, являются философии античности, средневековья и классического периода. Это ее постоянная мука. Изложенная таким образом мысль, как, например, у Декарта, не может доказать легитимность науки иначе, как через историю духа по Валери¹⁰⁰ или с помощью такого рода романа-

---

⁹⁹ Термин заимствован у ЖЖенета (*Figures III*).

¹⁰⁰ Valéry P. Introduction à la méthode de Léonard de Vinci (1894). Paris: Gallimard, 1957 (содержит также: «Marginalia», 1930; «Note et digression», 1919; «Léonard et les philosophes», 1929).

воспитания (*Bildungsroman*), каким является «Рассуждение о методе». Аристотель, несомненно, один из самых современных мыслителей, когда отделяет описание правил, которым должны подчиняться высказывания, считающиеся научными («Органон»), от исследования их легитимности в рассуждении о Бытии («Метафизика»). А также, когда внушает, что научный язык, включая его претензию на указание бытия референта, представляет собой только аргументацию и доказательства, т. е. диалектику¹⁰¹.

Вместе с современной наукой в проблематике легитимации появились две новых составляющих. Прежде всего, чтобы ответить на вопрос «как доказать доказательство?» или, в более общем виде, «кто определяет условия истинности?», нужно отойти от метафизического поиска первого свидетельства или трансцендентной власти, и признать, что условия истинности, т. е. правила игры в науке, являются имманентными этой игре и не могут быть установлены иначе, как в споре, который должен быть сам по себе научным, и что не существует иного доказательства верности правил, кроме того, что они сформированы на основе консенсуса экспертов.

Общая предрасположенность современности к определению условий какого-либо дискурса в дискурсе об этих условиях сочетается с восстановлением достоинства нарративных (народных) культур уже в период Возрождения гуманизма и, но по-разному, во времена Просвещения, *Sturm und Drang*, немецкой идеалистической философии, французской исторической школы. Наррация перестает быть нелепой ошибкой легитима-

---

¹⁰¹ *Aubenque P.* Le problème de l'Être chez Aristote. Paris: PUF, 1962.

ции. Этот открытый призыв к рассказу в проблематике знания сопровождается и стимулируется призывом буржуазии освободиться от традиционных авторитетов. Знание в форме рассказов возвращается на Запад, чтобы разрешить проблему легитимации новых авторитетов. Конечно же, в нарративной проблематике этот вопрос ждет ответа в виде имени героя: *кто* имеет право решать за общество? каков он, этот субъект, чьи предписания являются нормами для тех, кого они подчиняют?

Такая манера исследования социо-политической легитимации сочетается с новой научной установкой: имя героя — народ, — знак легитимности его консенсуса, способ нормативной регуляции обсуждения. Из этого неизбежно вытекает идея прогресса: он представляет собой ничто иное как движение, в котором якобы аккумулируется знание, но это движение распространяется на новый социо-политический субъект. Народ спорит сам с собой о том, что справедливо, а что нет, точно так же, как сообщество ученых о том, что истинно, а что ложно. Первый накапливает гражданские законы так же, как второе — научные; первый совершенствует правила своего консенсуса через посредство конституционных положений так же, как второе пересматривает их в свете своих знаний, производя при этом новые «парадигмы»¹⁰².

Можно видеть, что этот «народ» совершенно не похож на тот, что встречается в традиционном нарративном знании, которое, как мы уже говорили, не требует

---

¹⁰² *Dubem P.* Essai sur la notion de théorie physique de Platon à Galilée. Paris: Hermann, 1908; *Koyré A.* Etudes galiléennes. Paris: Hermann, 1966; *Kuhn Th.* Op.cit.

никакого учреждающего обсуждения, никакой кумулятивной прогрессии, никакой претензии на всеобщность — это все операторы научного знания. Не приходится поэтому удивляться, что представители новой легитимации через посредство «народа» являются к тому же активными разрушителями традиционных народных знаний, отныне воспринимающихся как позиция меньшинства или потенциального сепаратизма, осужденная пребывать в обскурантизме¹⁰³.

Мы также понимаем, что реальное существование такого весьма абстрактного субъекта (поскольку он смоделирован по образцу одинокого познающего субъекта, т. е. получателя-отправителя денотативного высказывания, имеющего значение истины, и исключения других языковых игр) привязано к институтам, разрешающим обсуждать и определять, и охватывающим все государство или часть его. Вопрос о государстве оказывается, таким образом, тесно переплетенным с вопросом о научном знании.

Кроме того, мы видим, что это переплетение не может быть простым. Хотя бы потому, что «народ», каким является нация или даже человечество, не довольствуется — особенно, его политические институты, — знанием: он устанавливает законы, иначе говоря, формулирует предписания, имеющие значение норм¹⁰⁴. Он, следовательно, осуществляет свою компетенцию не только в сфере денотативных, раскрывающих истину

---

¹⁰³ *Certeau M. de, Julia D., Revel J.* Une politique de la langue. La Révolution française et les patois. Paris: Gallimard, 1975.

¹⁰⁴ О различении предписаний и норм см.: *Kalinowski G.* Du méta-langage en logique. Réflexions sur la logique déontique et son rapport avec la logique des normes // Documents de travail. Università di Urbino. V. 48, novembre 1975.

высказываний, но также и прескриптивных, претендующих на справедливость. В этом и заключается суть нарративного знания (откуда исходит его концепт) удерживать вместе ту и другую компетенцию, не говоря уже об остальном.

Способ легитимации, о котором мы говорим, вводит заново рассказ как форму обоснования знания и в таком качестве может действовать в двух направлениях, в зависимости от того, представляет ли он субъект рассказа как когнитивный или как практический: как героя познания или как героя свободы. Из-за существования этой альтернативы, легитимация не только не имеет всегда одного и того же смысла, но уже сам рассказ кажется недостаточным для придания ей законченного вида.

глава 9

рассказы, легитимирующие знание

Мы рассмотрим два основных вида легитимирующего рассказа: один — более политический, другой — более философский, но оба имеют большое значение для современной истории, в частности, истории знания и его институтов.

Первый имеет субъектом человечество как героя свободы. Все народы имеют право на науку. Если социальный субъект не является все еще субъектом научного знания, значит ему помешали в этом духовники или тираны. Право на науку должно быть отвоевано. Понятно, что такой рассказ задается в большей степени политикой начального образования, чем университетами или высшей школой¹⁰⁵. Политика Третьей республики в

---

¹⁰⁵ Следы такой политики можно найти в учреждении «философских классов» в конце средней школы. А также в проекте Исследовательской группы по преподаванию философии, где предлагалось давать «начала философии» уже во время первого

области образования очень хорошо иллюстрирует эти предположения.

В отношении же высшего образования, значение такого рассказа, видимо, ограничено. Так, усилия, принятые Наполеоном в этом направлении, относятся обычно к попытке формирования административной и профессиональной компетенции, необходимой для стабильности государства¹⁰⁶. При этом забывают о том, что это последнее — с точки зрения рассказа о свободах — получает свою легитимность не от себя самого, но от народа. Если институты высшего образования имперской политикой обречены быть питомником высших чиновников государства и, кроме того, гражданского общества, то именно через управленческий и профессиональный труд, в котором осуществляется их деятельность, и благодаря распространению новых знаний в народе, сама нация получает возможность завоевания своих свобод. Этот же ход рассуждений в еще большей степени справедлив для учреждения собственно научных институтов. Мы встречаем обращение к рассказам о свободах всякий раз, когда государство непосредственно берет на себя заботу об образовании «народа» под именем нации и его наставлении на путь прогресса¹⁰⁷.

цикла средней школы (GREPH: *La philosophie déclassée // Qui a peur de la philosophie?* Paris: Flammarion, 1977). В этом же направлении, по-видимому, были ориентированы программы этой Исследовательской группы в Квебеке, особенно, в отношении философии (см., например, «*Cahiers de l'enseignement collégial*» за 1975-1976 годы, раздел философия).

¹⁰⁶ *Janne H. L'Université et les besoins de la société contemporaine / Cahiers de l'Association internationale des universités. Vol. 10, 1970.*

¹⁰⁷ В «жестком» (почти мистическо-военном) выражении мы находим это у *Julio de Mesquita Filho. Discurso de Paraninfo da primeira turma de licenciados pela Faculdade de Filosofia, Ciências e Letras*

Рассмотрение другого вида легитимирующего рассказа — связи между наукой, нацией и государством — дает совершенно иную картину. Это проявилось во время создания Берлинского университета в 1807—1810 годах¹⁰⁸. Он оказал значительное влияние на организацию высшего образования в молодых государствах XIX — XX веков.

По случаю создания Берлинского университета прусский министр заказал разработку проекта Фихте, оппонентом которого выступил Шлейермахер. Вильгельм фон Гумбольдт должен был решить спорные вопросы, и он высказался в пользу более «либерального» проекта Шлейермахера.

Если почитать воспоминания Гумбольдта, то испытываешь искушение свести его политику научного учреждения к знаменитому принципу: «Исследовать науку саму по себе». Но это было бы заблуждением относительно конечных целей данной политики, очень близкой на деле той, что более подробно описывалась Шлейермахером, и господствовавшей над принципом легитимации, который нас интересует. Гумбольдт с уверенностью утверждает, что наука подчиняется своим собственным правилам игры, что научные учреждения

---

da Universidade de Saõ Paulo. (25 janvier 1937); а в «мягком», адаптированном к современным проблемам развития Бразилии, — в: «Relatirio do Grupo de Trabalho. Reforma Universitaria». Brasilia. — Документы Министерства образования и культуры и Министерства планирования. Август 1968. Эти документы соягавляют часть проекта по бразильскому университетскому образованию.

¹⁰⁸ Документацию по этому вопросу на французском языке можно найти в публикации, подготовленной Мигелем Абенсуром и Философским колледжем (Philosophie de l'Université. L'Idéalisme allemand et la question de l'université. Textes de Schelling, Fichte, Scheiermacher, Humboldt, Hegel. Paris: Payot, 1979).

«живут и непрерывно обновляются сами по себе, без какого-либо нажима и определенной цели». Но добавляет, что университет должен привнести свой материал — науку — для «духовного и морального строительства нации»¹⁰⁹. Как такой результат *Bildung*'а может вытекать из бескорыстного исследования познания? Разве государство, нация, все человечество не индифферентны по отношению к знанию, взятому само по себе? На самом деле, как признается Гумбольдт, их занимает не познание, а «характер и действие».

Советник министра оказывается, таким образом, перед фундаментальным конфликтом, который имеет много общего с разрывом между «знать» и «желать», введенным кантовской критикой, конфликтом между языковой игрой, производной от денотатов и отвечающей только критерию истинности, и другой языковой игрой, диктующей определенную этическую, социальную, политическую практику и с необходимостью содержащей решения и обязательства, либо высказывания, от которых ждут, чтобы они были справедливыми, а не истинными, и, следовательно, не зависели бы в конечном итоге от научного знания.

Между тем, для *Bildung*'а, являющегося целью гумбольдтовского проекта, который состоит не только в приобретении индивидами знаний, но и в формировании полностью легитимного субъекта познания и общества, объединение этих двух речевых совокупностей необходимо. Гумбольдт ссылается на Дух, который Фихте называет также Жизнью, приводимый в

---

¹⁰⁹ Sur l'organisation interne et externe des établissements scientifiques supérieurs à Berlin (1810) // *Philosophies de l'Université*. Op.cit., P. 321.

движение тройным — а точнее, триединым — стремлением: «выводить все из первоначала», чему отвечает научная деятельность; «соотносить все с идеалом», чем управляется этическая и социальная практики; «объединять это первоначало и этот идеал в единой Идее», утверждающее, что исследование истинных причин в науке, не может не совпадать с достижением справедливых целей в нравственной и политической жизни. Легитимный субъект формируется из их последующего синтеза.

Гумбольдт добавляет между прочим, что это тройное стремление естественным образом относится к «интеллектуальному характеру немецкой нации»¹¹⁰. Это, хотя и неприметная, но уступка другому рассказу, т. е. представлению о народе как субъекте знания. Вместе с тем, это представление очень мало согласуется с предложенным немецким идеализмом рассказом, легитимирующем знание. Подозрительность Шлейермахера, Гумбольдта и даже Гегеля в отношении государства свидетельствует об этом. Шлейермахер сомневается в том, что гражданской властью в сфере науки может двигать узкий национализм, протекционизм, утилитаризм, поскольку они даже опосредованно не могут служить основой науки. Субъектом знания является не народ, а спекулятивный дух. Он воплощен не в Государстве — как во Франции после революции, — а в Системе. И языковая игра легитимации — не государственно-политическая, а философская игра.

Великая функция, возложенная на университеты, заключается в том, чтобы «продемонстрировать совокупность сведений и выявить в то же время принципы и

---

¹¹⁰ Ibid., P. 323.

основания всякого знания», поскольку «творческая научная способность не может существовать без спекулятивного духа»¹¹¹. «Спекуляция» — здесь имя, данное дискурсу о легитимации научного дискурса. Школы — функциональны, университет — спекулятивен, т. е. философичен¹¹². Философия должна восстановить единство знаний, разбросанных по частным наукам в лабораториях и доуниверситетском преподавании; она не может сделать это иначе, как в языковой игре, связывающей одни и другие, как отдельные моменты в становлении духа, а следовательно в наррации или, точнее, в рациональной метанаррации. «Энциклопедия философских наук» Гегеля (1817-1827) пыталась осуществить этот проект тотализации, зачатки которого можно найти уже у Фихте и Шеллинга в виде идеи Системы.

Именно здесь, в изложении развития Жизни, которая в то же время Субъект, отмечается возврат нарративного знания. Существует универсальная «история» духа; дух есть «жизнь», и эта «жизнь» есть представление и формулировка того, что она есть как таковая; средством ее является упорядоченное познание всех ее форм в эмпирических науках. Энциклопедия немецкого идеализма есть повествование об «истории» этой жизни-субъекта. Но то, что она производит — это метарассказ, поскольку то, о чем рассказывает этот рассказ не должно быть ни народом, связанным особенной позитивностью традиционных знаний, ни, тем более, совокупностью ученых, ограничен-

---

¹¹¹ *Schleiermacher F.* Pensées de circonstance sur les universités de conception allemande» (1808). — Ibid., P. 270-271.

¹¹² «Преподавание философии общепризнано как фундамент всякой университетской работы». (Ibid., P. 272)

ных профессионализмом соответствующих специальностей.

Это может быть только метасубъектом, находящимся в процессе формулирования как легитимности эмпирических научных рассуждений, так и легитимности непосредственных учреждений народной культуры. Этот метасубъект, излагая их общий фундамент, осуществляет их имплицитную цель. Место его обитания — спекулятивный Университет. Позитивная наука и народ — лишь его сырые формы. Само национальное государство может адекватно выразить народ только посредством спекулятивного знания.

Необходимо было освободить философию, которая одновременно легитимирует основание Берлинского университета и служит ведущей силой развития его самого и современного знания. Как уже было сказано, такая университетская организация в XIX и XX веках служила моделью для формирования или реформирования высшего образования во многих странах, начиная с Соединенных Штатов¹¹³. Но, что важно, эта философия, живая и поныне в университетской среде¹¹⁴, предлагает особенно стойкое представление о данном решении проблемы легитимации знания.

Нельзя оправдывать исследование и распространение знаний утилитарным принципом. Нельзя считать, что наука должна служить интересам государства и/или

¹¹³ Алэн Турен анализирует противоречия такой трансплантации в книге «Université et société aux Etats-Unis». Paris: Seuil, 1972. — P. 32-40.

¹¹⁴ Ощущаемая даже в выводах Р.Нисбета (*Nisbet R. The Degradation of the Academic Dogma: the University in America, 1945-1970. London: Heinemann, 1971*), профессора Калифорнийского университета, Риверсайд.

гражданского общества. Не признается принцип гуманизма, по которому человечество воспитывается в свободе и достоинстве с помощью знания. Немецкий идеализм прибегает к метапринципу, обосновывающему одновременное развитие знания, общества и государства в осуществлении «жизни» Субъекта, которую Фихте называл «божественная жизнь», а Гегель — «жизнью духа». Стакой точки зрения, знание находит свою легитимность прежде всего в себе самом, и именно оно может сказать, что такое государство и что такое общество¹¹⁵. Но эту роль нельзя исполнить иначе, как сменив, если можно так выразиться, «уровень», прекратив быть позитивным познанием своего референта (природы, общества, государства и т. п.) и став, таким образом, познанием своих знаний — спекулятивным познанием. Это о нем говорят, когда упоминают «Жизнь», «Дух».

Замечательный результат спекулятивного изложения выражается в том, что все познавательные рассуждения про все возможные референты принимаются не по их непосредственной истинности, а по значению, которое они принимают в зависимости от места, занимаемого ими на пути Духа или Жизни, или — если угодно — от определенного положения в Энциклопедии, раскрывающей спекулятивный дискурс. Этот последний цитирует их, показывая самому себе то, что он знает, т. е. демонстрируя себя себе самому. С этой точки зрения, настоящее знание — это всегда не прямое знание, сформированное из относительных высказываний и инкорпорированное в метарассказ субъекта, который обеспечивает его легитимность.

---

¹¹⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права: Пер. с нем. М.: Мысль, 1990.

Таким образом, оно присутствует во всех дискурсах, даже если они не относятся к познанию, как, например, в дискурсах права или государства. Современный герменевтический дискурс¹¹⁶ исходит из того же предположения, которое в конечном итоге обеспечивает ему некоторую познавательную ценность и таким образом сообщает свою легитимность истории и, в частности, истории познания. Высказывания взяты как автономны их самих¹¹⁷ и помещены в движение, где им разрешается взаимно порождать друг друга — таковы правила спекулятивной языковой игры. Университет, как указывает самого себя, является для этого исключительным институтом.

Но, как мы уже говорили, проблема легитимности может разрешаться с помощью другой процедуры. Необходимо отметить их различие: первая версия легитимности оказывается сегодня вновь в силе, в то время как статус знания теряет устойчивость, а его спекулятивная целостность расколота.

Знание находит свою обоснованность не в себе самом, не в субъекте, который развивается через актуализацию своих возможностей познания, а в практическом субъекте, каковым является человечество. Основой, приводящей народ в движение, является не знание с его самолегитимацией, а свобода с ее самообоснованностью или, если хотите, с ее самоуправлением.

---

¹¹⁶ Рихёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум-Academia-Центр, 1995; Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988 (Wahrheit und Methode. Tübingen: Mohr, 1965).

¹¹⁷ Рассмотрим два высказывания: (1) *Луна взошла*; (2) *Высказывание / Луна взошла / есть денотативное высказывание*. Можно сказать, что во втором синтагма */Луна взошла/* является автономным первого. См. по этому вопросу: Rey-Debove J. Le métalangage. Paris: Le Robert, 1978. — Partie IV.

Субъект есть конкретный субъект или предполагаемый таковым; его эпопея — это эпопея освобождения от всего, что ему мешает управлять собой. Можно предположить, что законы, которые он себе формулирует, справедливы, но не потому, что они соотносятся с какой-то внешней природой, а потому, что законодатели сами состоят из граждан, подчиняющихся законам, а отсюда, воля гражданина, чтобы закон творил правосудие, совпадает с волей законодателя, чтобы правосудие творило закон.

Способ легитимации через свободу воли¹¹⁸ отдает предпочтение, как мы уже могли видеть, совершенно иной языковой игре, той, которую Кант называет «императив»; а наши современники — «предписание» («прескриптив»). Важно легитимировать не просто и не только денотативные высказывания, относящиеся к истине: «Земля вращается вокруг Солнца», но еще и прескриптивные высказывания из области правосудия: «Карфаген должен быть разрушен» или «Необходимо зафиксировать минимальную заработную плату на уровне *x* франков». В этой перспективе позитивное знание не имеет никакой другой роли, как информировать практического субъекта о действительности, в которую должно вписываться исполнение предписания. Оно должно позволять ему очертить исполнимое — то, что можно сделать. Но исполняемое — то, что должно быть сделано — не принадлежит позитивному знанию. То, что

---

¹¹⁸ По меньшей мере, в области трансцендентальной этики, кантовский принцип (см. «Критику практического разума»). В отношении политики и эмпирической этики Кант осторожен: поскольку ничто не может отождествляться с нормативным трансцендентальным субъектом, то с теоретической точки зрения правильнее было бы пойти на сделку с существующими властями (*Кант И.* Что такое Просвещение?).

некое предприятие осуществимо — это одно, а справедливо оно или нет — другое. Знание больше не является субъектом, оно ему служит; единственная (но очень значительная) его легитимность в том, чтобы давать возможность нравственности стать действительностью.

Таким образом вводится связь знания с обществом и государством, которая, в принципе, оказывается связью средства с целью. Разве ученые не должны до сих пор поддерживать то, что они считают правильным для политики государства, т. е. участвовать в выработке совокупности ее предписаний? Они, конечно, могут оспаривать предписания государства от имени гражданского общества, членами которого они являются, если считают, что государство недостаточно хорошо представляет это общество. Такой тип легитимации признает за ними как практическими человеческими существами власть отказывать в своей ученой поддержке той политической власти, которую они считают несправедливой, т. е. не основывающейся собственно на независимости. Они могут даже дойти до использования своей науки для показа того, что эта независимость, на самом деле, не осуществляется ни в обществе, ни в государстве. В этом обнаруживается критическая функция знания. Тем не менее, и здесь оно не имеет никакой другой конечной легитимности, как служить целям, намеченным практическим субъектом, каким является независимая общность¹¹⁹.

---

¹¹⁹ См.: *Кант И.* Что такое Просвещение?; а также *Habermas J.* *Strukturwandel der Oeffentlichkeit*. Frankfurt: Luchterhand, 1962. Термины «общественный» (*public*) и «реклама» (*publicité*) согласуются между собой также, как в выражениях «опубликовать частную переписку», «общественное обсуждение». Этот принцип *Oeffentlichkeit* в конце 60-ых управлял действиями многих групп

Такое распределение ролей в деле легитимации, с нашей точки зрения, представляет интерес, поскольку предполагает, что в универсуме теории система-субъект не может существовать какого-либо объединения или тотализации языковых игр в некий метадискурс. Напротив, предпочтение отдаваемое здесь прескриптивным высказываниям, которые произносит практический субъект, делает их, в принципе, независимыми от научных высказываний, чья функция сводится только к информированию названного субъекта.

Два замечания:

1. Хорошо было бы показать, как марксизм колеблется между двумя способами нарративной легитимации, которые мы только что описали. Партия может занять место университета, пролетариат — место народа или человечества, диалектический материализм — место спекулятивного идеализма и т. д. Можно таким образом проанализировать сталинизм и его специфическое отношение к науке, роль которой сводили к тому, чтобы давать цитаты для метарассказа о марше к социализму как эквиваленту жизни духа. Но можно и наоборот, в соответствии со второй версией, развивать в себе критическое знание, полагая, что социализм есть ничто иное как свободный субъект и что оправдание существования наук в том, чтобы давать эмпирическому субъекту (пролетариату) средства его освобождения от отчуждения и репрессий (это отражает позицию Франкфуртской школы).

ученых, в частности, движением «Survivre», группой «Scientists and Engineers for Social and Political Action» (USA) и группой «British Society for Social Responsibility in Science» (GB).

2. Можно прочитать инаугурационную речь Хайдеггера при его вступлении в должность ректора университета во Фрайбург-енн-Брейсгау 27 мая 1933 года¹²⁰ как неудачный эпизод легитимации. Спекулятивная наука здесь стала вопрошанием бытия. Она стала «судьбой» немецкого народа, называемого «народом духа в его историческом совершении». Именно этому субъекту предназначены три служения: трудовое, воинское и учебное. Университет дает метазнание о все трех служениях, т. е. науку. Легитимация, таким образом, происходит, также как и в идеализме, с помощью метадискурса, называемого наукой и имеющего онтологическую устремленность. Но он носит вопрошающий, а не тотализирующий характер. С другой стороны, университет — место, где произносится данный метадискурс — обязан своей наукой народу, «исторической миссией» которого является его осуществление в труде, борьбе и познании. Этот народ-субъект имеет в качестве призвания не освобождение человечества, а воплощение своего «подлинно духовного мира», который есть «могучая сила наиглубочайшего сохранения всех присущих его земле и крови энергий». Такая вставка из рассказа о расе и труде в рассказ о духе с целью легитимировать знание и его институты вдвойне неудачна: бессодержательная теоретически, она все же была достаточной для того, чтобы вызвать в определенной политической ситуации сокрушительный резонанс.

---

¹²⁰ Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: Пер. с нем./ Составл., переводы, вступ.статья, примеч. А.В.Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 222-231.

глава 10

утрата легитимности

В современном обществе и культуре — постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре¹²¹ — вопрос о легитимации знания ставится в иных выражениях. Великий рассказ утратил свое правдоподобие, вне зависимости от способа унификации, который ему предназначался: спекулятивный рассказ или рассказ об освобождении.

В упадке рассказов можно видеть результат быстрого технического и технологического подъема после Второй мировой войны, перенесшего акцент с цели действия на средства ее достижения, а может быть — результат активизации внешнеэкономических связей либерального капитализма, развившегося после пери-

---

¹²¹ См. примечание 1. Некоторые научные аспекты постмодернизма обозреваются в работе: *Hassan I. Culture, Indeterminacy, and Immanence: Margins of the (Postmodern) Age // Humanities in Society.*— Vol. 1. — 1978. — P. 51-85.

ода его отступления перед моделью Кейнса в 30-ые — 60-ые годы, обновления, устранившего коммунистическую альтернативу и придавшего ценность индивидуальному обладанию благами и услугами.

Подобные поиски причинности всегда разочаровывают. Даже если мы примем ту или иную из выдвинутых гипотез, нужно будет все же объяснить связь рассматриваемых тенденций с упадком объединяющей и легитимирующей силы великих рассказов о спекуляции или об освобождении.

Воздействие, которое могут оказать на статус знания подъем и расцвет капитализма, с одной стороны, и приводящий в замешательство скачок в развитии техники — с другой стороны, конечно, объяснимо. Но прежде всего необходимо обнаружить ростки утраты легитимности — «делегитимации»¹²² — и нигилизма, которые были присущи уже великим рассказам XIX века, чтобы понять каким образом современная наука оказалась восприимчивой к указанным воздействиям еще до того, как они проявились в действительности.

Спекулятивное изложение, прежде всего, скрывает своего рода двусмысленность в отношении к знанию. Оно показывает, что знание заслуживает своего имени, только если оно удваивается («снимается», *hebt sich auf*) цитированием из его же собственных высказываний в границах дискурса второго порядка (автономия), который их легитимирует. Иными словами, в своей непосредственности, денотативный дискурс, направленный на некий референт (живой организм,

---

¹²² К. Мюллер использует выражение «a process of delegitimation» в работе «The Politics of Communication» (Op.cit., P. 164).

химическое свойство, физическое явление и т. п.), сам по-настоящему не знает того, что считает известным для себя. Позитивная наука — это не знание. А спекуляция питается его устранением. Так и гегелевский спекулятивный рассказ, по признанию самого Гегеля¹²³, содержит в себе скептицизм в отношении позитивного познания.

Не обретшая своей легитимности наука — не настоящая наука, она опускается в более низкий разряд, т. е. идеологию или средство власти, если дискурс, который должен был ее легитимировать, сам оказывается скрывающим донаучное знание (точно также, как в «вульгарном» рассказе). Что и случается, когда правила игры науки, которую он объявляет эмпирической, обращаются против нее самой.

Предположим, дано спекулятивное высказывание: «научное высказывание является знанием, если и только если оно само находится во всеобщем процессе порождения». Вопрос, который ставится в отношении его сюжета, следующий: является ли это высказывание знанием в смысле определяемым им самим? Оно является им, только если может относиться ко всеобщему процессу порождения. Допустим, может. Для этого ему достаточно предположить, что такой процесс существует (Жизнь духа) и что оно само есть его выражение. Такое предположение даже необходимо в спекулятивной языковой игре. Если его не сделать, то язык легитимации сам не будет легитимным, а будет вмес-

---

¹²³ «Дорога сомнения..., дорога разочарования..., скептицизм», — писал Гегель в Предисловии к «Феноменологии духа» при описании эффекта спекулятивного порыва к естественному познанию.

те с наукой повержен в нонсенс, по крайней мере, если верить в этом идеализму.

Однако это допущение можно понять совершенно в другом смысле, который мы приписываем культуре постмодерна: говорят, она определяет — в том смысле, какой мы приняли ранее — группу правил, которые нужно принять, чтобы играть в спекулятивную игру¹²⁴. Такая оценка предполагает, во-первых, что мы принимаем как общий вид языка знания язык «позитивных» наук, а во-вторых, что мы рассматриваем этот язык как содержащий в себе предположения (формальные и аксиоматические), которые он должен объяснять. Ницше, хотя и другими словами, делает то же самое, когда показывает, что «европейский нигилизм» вытекает из самоприложения научного требования истинности к самому этому требованию¹²⁵.

Таким образом появляется перспектива не столь уж отдаленная — по крайней мере, с этой точки зрения — от перспективы языковых игр. Здесь мы имеем дело с процессом делегитимации, движущей силой которого выступает требование легитимации. «Кризис» научного знания, признаки которого множатся с конца XIX века, не является следствием случайного распространения наук, поскольку само их распространение есть плод технического прогресса и экспансии капитализма. Он [кризис] происходит от внутренней эрозии основы легитимности знания. Такая эрозия применяется

---

¹²⁴ Из опасения перегрузить доклад мы откладываем на последующее рассмотрение анализ этой группы правил.

¹²⁵ *Nietzsche F.* «Der europäische Nihilismus» (ms N VII, 3); «Der Nihilism, ein normaler Zustand» (ms W II, 1); «Kritik der Nihilism» (ms W VII, 3); «Zum Plane» (ms W II, 1)//*Nietzsches Werke kritische Gesamtausgabe.* Berlin: Gruyter, 1970.

в спекулятивной игре, и именно она, расслабляя плетение энциклопедической ткани, где каждая наука находит свое место, позволяет им освободиться.

Классическое определение границ различных научных полей подвергается тем самым новому пересмотру: дисциплины исчезают, на границах наук происходят незаконные захваты и таким образом на свет появляются новые территории. Спекулятивная иерархия познаний дает место имманентной и, если можно так выразиться, «плоской» сети исследований, границы которых постоянно перемещаются. Старые «факультеты» распадаются на институты и фонды всякого сорта, университеты теряют свою функцию спекулятивной легитимации. Освобожденные от ответственности за исследования, которые вытеснил спекулятивный рассказ, факультеты ограничиваются передачей знаний, считающихся установленными, и с помощью дидактики обеспечивают воспроизводство скорее преподавателей, нежели ученых. Как раз в этом состоянии их застаёт и приговаривает Ницше¹²⁶.

Что же касается другой процедуры легитимации, идущей от *Aufklärung*, рассказа об эмансипации, его вездесущая сила эрозии не меньше, чем та, что действует в спекулятивном дискурсе. Но направлена она на другой аспект. Характерная его черта — обоснование легитимности науки, истины, опирающееся на автономию собеседников, включенных в этическую, социальную и политическую практику. Однако, как мы уже видели, эта

---

¹²⁶ *Nietzsche F. Sur l'avenir de nos établissements d'enseignement (1872). Trad.fr. Backès // Nietzsche F. Ecrits posthumes 1870-1873. Paris: Gallimard, 1975.*

легитимация сразу становится проблематичной: различие между денотативным высказыванием, имеющим когнитивное значение, и прескриптивным высказыванием, имеющим практическое значение, состоит в релевантности, а следовательно, — в компетенции. Ничто не доказывает того, что, если высказывание, описывающее действительность, верно, то прескриптивное высказывание, имеющее неизбежным следствием изменение этой действительности, будет также справедливо.

Предположим, дана закрытая дверь. Между «Дверь закрыта» и «Откройте дверь» нет следствия в смысле пропозициональной логики. Эти два высказывания относятся к двум совокупностям автономных правил, определяющим различную релевантность, а следовательно, и различную компетенцию. Результат этого деления разума на когнитивный или теоретический, с одной стороны, и практический — с другой, имеет здесь следствием атаку на легитимность научного дискурса, не прямо, а косвенно раскрывая нам, что он является языковой игрой, имеющей собственные правила (априорные условия познания которых являются у Канта первым суждением), но без всякого предназначения регламентировать практическую игру (как, впрочем, и эстетическую). Она оказывается, таким образом, на равных с другими.

«Делегитимация» — если к ней хотя бы немного стремятся и придают ей определенную важность, что на свой манер делает Витгенштейн и что, так же по-своему, делают Мартин Бубер и Эмманюэль Левинас¹²⁷ — откры-

---

¹²⁷ *Buber M. Je et Tu. Paris: Auber, 1938* (См. пер. на рус. Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993); *id. Dialogisches Leben. Zürich: Müller,*

вает дорогу набирающему силу течению постмодернизма: наука играет собственную игру, она не может легитимировать другие языковые игры. Например, прескриптивная игра ускользает от нее. Но, прежде всего, она не может больше сама себя легитимировать, как то предполагает спекуляция.

При таком рассеянии языковых игр социальный субъект тоже кажется растворенным. Социальная связь — связь языковая, но она состоит не из одной нити. В этой ткани пересекаются по меньшей мере две, а в действительности — неопределенное количество языковых игр, подчиняющихся различным правилам. Витгенштейн пишет: «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами»¹²⁸. А чтобы лучше показать, что принцип единства или синтез под началом научного метадискурса неприменим, нужно подвергнуть «город» языка старинному парадоксу о транзитивности равенства (*sôrite*), спросив: «А с какого числа домов или улиц город начинает быть городом?»¹²⁹.

Новые языки присоединяются к старым, образуя пригороды старинного города: «химическая символи-

---

1947. *Levinas E. Totalité et infini*. La Haye: Nijhoff, 1961; *id.* *Martin Buber und die Erkenntnistheorie* (1958) // *Divers. Philosophen des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart: Kohlhammer, 1963.

¹²⁸ Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 86.

¹²⁹ Там же.

ка», «обозначения для исчисления бесконечно малых»¹¹⁰. Спустя тридцать пять лет, к ним можно еще добавить машинные языки, матрицы теории игр, новые музыкальные нотные обозначения, логические неденотативные обозначения (логики времени, деонтические логики, модальные логики), язык генетического кода, графы фонологических структур и т. д.

Этот раскол может повлечь пессимистическое впечатление: никто не говорит на всех этих языках, нет универсального метаязыка, проект «система-субъект» провалился, а проект освобождения ничего не может поделаться с наукой; мы погрузились в позитивизм той или иной частной области познания, ученые стали научными сотрудниками, размножившиеся задачи исследования стали задачами, решаемыми по частям, и никто не владеет целым¹³¹, а спекулятивная или гуманистическая философия, со своей стороны, вынуждена аннулировать свои функции по легитимации¹³², чем, собственно, и объясняется кризис, испытываемый ею там, где она все еще стремится их исполнить, или

---

¹³⁰ Там же.

¹³¹ См., например: La taylorisation de la recherche // (Auto) critique de la science. Op.cit., P. 291-293. А особенно, работу *Solla Price D.J., de. Little Science, Big Science*. N.Y.: Columbia U.P., 1963, где подчеркивается расхождение между небольшим числом высокопродуктивных исследователей (оцениваемых количеством публикаций) и большой массой малопродуктивных. Число этих последних растет в арифметической прогрессии по отношению к первым, несмотря на то, что число высокопродуктивных реально увеличивается только примерно каждые двадцать лет. Прайс заключает, что наука, рассматриваемая как социальная целостность, является *undemocratic* (59), и что *the eminent scientist* на сто лет старше, чем *the minimal one* (56).

¹³² *Desanti J.T.* Sur le rapport traditionnel des sciences et de la

ее редукция к исследованию логик или истории идей, там, где из реализма от нее отказались¹³³.

Этот пессимизм питал поколение начала века в Вене: художники, Музиль, Краус, Гофмансталь, Шенберг, Брех, но также и философы Мах и Витгенштейн¹³⁴. Несомненно, они передвинули так далеко, насколько это было возможно, осознание и теоретическую и художественную ответственность за делегитимацию. Сегодня можно сказать, что этот похоронный труд выполнен. Не стоит его начинать заново. Сильной стороной Витгенштейна было то, что он не стал искать выхода в позитивизме, развиваемом Венским кружком¹³⁵, а прокладывал в своем исследовании языковых игр перспективу другого рода легитимации — перформативность. Именно с перформативностью и имеет дело постмодернистский мир. Ностальгия по утраченному рассказу и та была утрачена большинством людей. Отсюда ни в коей мере не вытекает, что они были об-

---

philosophie // La philosophie silencieuse, ou critique des philosophies de la science. Paris: Seuil, 1975.

¹³³ Перераспределение университетской философии в структуре гуманитарных наук, с этой точки зрения, имеет значение, намного превосходящее усилия профессии. Мы не считаем, что философия как труд по легитимации обречена, но, возможно, она сможет исполнить или, по крайней мере, начать этот труд, только пересмотрев свои связи с университетской институцией. См. по этому вопросу предисловие к «Projet d'un institut polytechnique de philosophie». Département de philosophie, Université de Paris VIII (Vincennes), 1979.

¹³⁴ См.: Janik A., *Toulmin St. Wittgenstein's Vienna*. N.Y.: Simon&Schuster, 1973; Piel J. *Vienne début d'un siècle // Critique*. Aoûtseptembre 1975.

¹³⁵ *Habermas J. Dogmatisme, raison et décision: théorie et pratique dans une civilisation scientifiée* (1963) // *Théorie et pratique*. T.II. — Op.cit. — P. 95.

речены на варварство. Препятствует им в этом то, что они знают: легитимация не может прийти ни откуда, кроме их языковой практики и их коммуникационного взаимодействия. Прежде всякой другой веры, наука, которая «улыбается в бороду», научила их суровой воздержанности реализма¹³⁶.

---

¹³⁶ «Наука улыбается в бороду» — название главы в книге Музиля «Человек без свойств», цитированная и комментированная Ж. - Буврессом в «Проблематике субъекта...» (Op.cit.).

глава 11

исследование и его легитимность через результативность

Вернемся к науке и рассмотрим вначале прагматику исследования. В основных своих регламентациях она переживает сегодня два главных изменения: обогащение аргументации и усложнение предъявления доказательств.

Аристотель, Декарт, Стюарт Милль, не считая других, раз за разом пытались установить правила, по которым высказывание, имеющее денотативное значение, может встречать поддержку адресата¹³⁷. Научное исследование не слишком принимает в расчет эти правила. Как мы уже сказали, оно может использовать и использует языки, демонстративные свойства которых, по-видимому, не в ладах с доводами классиков.

---

¹³⁷ Аристотель в «Аналитике» (ок.330 г.), Декарт в «Regulae ad directionem ingenii» (ок.1628 г.) и «Основаниях философии» (1644); Стюарт Милль в «Системе индуктивной и дедуктивной логики» (1843).

Башляр подводил им итог, но теперь его список уже неполон¹³⁸.

Однако использование этих языков не хаотично, а подчиняется условию, которое можно назвать прагматическим, а именно: формулировать собственные правила и требовать от адресата принимать их. Выполняя это условие, определяют аксиоматику, включающую определение символов, которые будут использоваться в предлагаемом языке; форму, которую должны соблюдать выражения этого языка, чтобы быть принятыми (ясно сформулированные выражения); операции, которые допускаются над этими выражениями, что и определяют, собственно говоря, аксиомы¹³⁹.

Но как мы можем знать, что должна содержать аксиоматика или что она содержит? Только что перечисленные нами условия формальны. Должен существовать метаязык, определяющий удовлетворяет или нет формальным условиям аксиоматики тот или иной язык. Такой метаязык есть язык логики.

Здесь требуется уточнение. Начинает ли ученый с установления аксиоматики, чтобы затем извлекать из нее высказывания, которые будут в ней приемлемыми, или, напротив, он начинает с того, что устанавливает факты и формулирует высказывания о них, а потом пытается обнаружить аксиоматику языка, которую ис-

---

¹³⁸ *Bachelard G.* Le rationalisme appliqué. Paris: PUF, 1949; *Serres M.* La réforme et les sept péchés // L'Arc. N°42 (numéro spécial Bachelard), 1970.

¹³⁹ *Hilbert D.* Grundlagen der Geometrie, 1899; *Bourbaki N.* L'architecture des mathématiques // Les grands courants de la pensée mathématique / Le Lionnais (éd.), Paris: Hermann, 1848; *Blanché R.* L'axiomatique. Paris: PUF, 1955.

пользовал, чтобы сформулировать высказывания, — здесь не логическая, а только эмпирическая альтернатива. Конечно же, она очень важна для исследователя или философа, но вопрос об обоснованности высказываний одинаково встает в обоих случаях¹⁴⁰.

Правильнее ставить вопрос в отношении легитимации: с помощью каких критериев логик определяет требуемые от аксиоматики свойства? Существует ли модель научного языка? Единственная ли она? Поддается ли проверке? От синтаксиса формальной системы¹⁴¹ требуются в целом следующие свойства: обоснованность (например, необоснованная в отношении отрицания система предполагала бы существование в самой себе как суждение, так и его противоположность), синтаксическая завершенность (система теряет свою обоснованность, если к ней добавляется еще какая-либо аксиома), определенность (существует действенная процедура, позволяющая определить относится или нет данное суждение к системе) и независимость одних аксиом от других. Гёдель на деле установил существование арифметической системы суждения, которое не является ни доказуемым, ни опровержимым внутри системы, что привело к выводу о том, что арифметическая система не удовлетворяет требованиям завершенности¹⁴².

---

¹⁴⁰ *Blanché R.* Op.cit. Chapitre V.

¹⁴¹ *Martin R.* Logique contemporaine et formalisation. Paris: PUF, 1964. P. 33-41; 122sq.

¹⁴² *Gödel K.* Ueber formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme // Monatschrift für Mathematik und Physik. №38, 1931. Более доступное изложение теоремы Гёделя содержится в книге: *Lacombe D.* Les idées actuelles sur la structure des mathématiques // Notion de structure et structure de la connaissance. Paris: Albin Michel, 1957. P. 39-160.

Если генерализовать данное свойство, то нужно признать существование внутренних ограничений формализма¹⁴³. Для логика эти ограничения означают, что используемый в описании искусственного языка метаязык — это «естественный» или «повседневный» язык; он универсален, поскольку все другие языки можно перевести на него; но не обоснован в отношении отрицания, поскольку допускает образование парадоксов¹⁴⁴.

Отсюда, вопрос о легитимации знания нужно ставить по-другому. Когда заявляют, что высказывание, имеющее денотативный характер, истинно, то предполагают, что аксиоматическая система, в которой оно определено и доказуемо, была сформулирована, что она известна собеседникам и принята ими, как безусловно наиболее удовлетворительная. Именно в таком духе развивалась, например, математика группы Бурбаки¹⁴⁵. Однако мы можем найти подобные наблюдения и в других областях: своим статусом они обязаны существованию языка, правила функционирования которого сами не могут быть доказаны, но составляют предмет консенсуса между экспертами. Эти правила являются требованиями, по крайней мере, некоторые из них. А требование — разновидность предписания.

---

¹⁴³ *Ladrière J.* Les limitations internes des formalismes. Louvain&Paris, 1957.

¹⁴⁴ *Tarski A.* Logique, sémantique, métamathématique. T.I. Paris: Armand Colin, 1972. *Desclès J.P.&Guentcheva-Desclès Z.* Métalangue, métalangage, métalinguistique // Documents de travail. Università di Urbino. N°60-61, 1977.

¹⁴⁵ *Bourbaki N.* Les éléments des mathématiques. Paris: Hermann, 1940. Отдаленные точки соприкосновения с этой работой в виде первых попыток доказать отдельные «постулаты» можно найти в ев-

Необходимая для принятия научного высказывания аргументация оказывается, таким образом, подчиненной «первоначальному» принятию правил (в действительности постоянно обновляемому в силу принципа рекурсивности), которые устанавливают средства аргументации. Отсюда замечательные свойства этого знания: гибкость его средств, т. е. множественность его языков; его характер парадигматической игры, приемлемость применяющихся в ней «приемов» (введение новых суждений), которая зависит от предварительной договоренности между партнерами. Отсюда же и различие между двумя видами «прогресса» в знании: первый связан с новым «приемом» (новой аргументацией) в рамках установленных правил, а второй — с изобретением новых правил, следовательно, с изменением игры¹⁴⁶.

Этому новому положению безусловно соответствует главное перемещение в представлении об обосновании. Принцип универсального метаязыка оказывается замещенным принципом множественности формальных и аксиоматических систем, способных аргументировать денотативные высказывания, причем эти системы описаны хотя и универсальным, но не обоснованным метаязыком. То, что проходило как парадокс и даже паралогизм в знании эпохи классической и современной науки, может приобрести в такого рода системе силу нового убеждения и получить одобрение сообщества экспертов¹⁴⁷. Метод, использующий языковые

клицевой геометрии. См. об этом: *Brunschvicg L.* Les étapes de la philosophie mathématique. Paris: PUF, 3e éd., 1947.

¹⁴⁶ *Kuhn Th.* The Structure... Loc.cit.

¹⁴⁷ Классификацию логико-математических парадоксов можно найти в книге: *Ramsey F.P.* The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays. N.Y.: Harcourt, Brace&Co., 1931.

игры, которые мы здесь рассмотрели, скромно ссылаются на это течение мысли.

Следующий важный аспект исследования ведет нас совсем в другом направлении и касается приведения доказательства. В принципе, оно составляет часть аргументации, призванной сделать приемлемым новое высказывание: свидетельство или вещественное доказательство в случае правовой риторики¹⁴⁸. Но оно поднимает специальную проблему: ведь именно с ним референт («реальность») извлекается и цитируется в споре между учеными.

Мы сказали, что вопрос доказательства составляет проблему, заключающуюся в необходимости доказать доказательство. Можно, по меньшей мере, сделать публичными средства доказательства, — способ, которым другие ученые могут убедиться в результатах через повторение процесса, приведшего к ним. Вместе с тем, предъявить доказательство значит заставить констатировать факт. Но что есть акт констатации? Регистрация факта глазами, ушами, органами чувств¹⁴⁹? Чувства обманывают, они ограничены в пространстве и в различных возможностях.

Здесь в дело идут технические приемы. Они изначально служат протезом органов чувств или человеческих физиологических систем, имеющих функцией получать данные или реагировать в зависимости от кон-

---

¹⁴⁸ Аристотель. Риторика. Т. II.

¹⁴⁹ Это проблема свидетельства или исторического источника является также проблемой того, как стал известен некий факт: по слухам или был увиден. Различие появляется у Геродота. См.: *Hartog Fr. Hérodote rapsode et arpenteur // Hérodote. N°9, décembre 1977. P. 56-65.*

текста¹⁵⁰. Технические приемы подчиняются принципу оптимизации продуктивности: увеличение выхода (полученная информация или модификации), сокращение входа (затраченная энергия) для получения результата¹⁵¹. Это такие игры, чья обоснованность не в истине, не в справедливости, не в красоте и тому подобном, а в эффективности: технический прием «хорош», когда он делает лучше и/или когда он тратит меньше, чем другой.

Это позднее определение технической компетенции. Изобретения делаются уже давно, хотя и урывками, случайно, в связи с другими исследованиями; они интересовали в большей степени (или в равной мере) искусство (*technai*), чем науку. Так, в классической Греции не устанавливали прямой связи между знанием и техникой¹⁵². В XVI и XVII веках работы разработчики еще демонстрируют любопытство и артистическую выдумку¹⁵³. Так продолжается до конца XVIII века¹⁵⁴. Можно даже настаивать на том, что и в наши дни существует «дикая» активность в техническом изобретательстве, подчас в любительских поделках, и она не нуждается в научной аргументации¹⁵⁵.

¹⁵⁰ *Gehlen A.* Die Technik in der Sichtweise der Anthropologie // *Anthropologische Forschung*. Hambourg, 1961.

¹⁵¹ *Leroi-Gourhan A.* Milieu et technique. Paris: Albin Michel, 1945; *id.* Le geste et la parole. T.I. Technique et Langage. Paris: Albin Michel, 1964.

¹⁵² *Vernant J.P.* Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Maspero, 1965. (section 4: Le travail et la pensée technique).

¹⁵³ *Baltrusaitis J.* Anamorphoses, ou magie artificielle des effets merveilleux. Paris: O. Perrin, 1969.

¹⁵⁴ *Mumford L.* Technics and civilization. N.Y., 1934; *Gille B.* Histoire des techniques. Paris: Gallimard, 1978.

¹⁵⁵ Удивительный пример этого рассмотрен в: *Mulkay M.J. & Edge D.O.* Cognitive, Technical and Social Factors in the Growth of

Вместе с тем, потребность в приведении доказательства более остро дает ощутить себя по мере того, как прагматика научного знания занимает место традиционного знания или знания, данного в откровении. Уже Декарт в конце своего «Рассуждения о методе» (*Discours*) просит кредитов для лаборатории. Проблема, таким образом, поставлена: аппаратура, оптимизирующая достижения человеческого тела для доказательства что-либо, требует дополнительных затрат. Следовательно, без денег нет ни доказательства, ни проверки высказываний, ни истины. Научные языковые игры становятся играми богатых, или: самые богатые имеют больше всего шансов быть правыми. Уравнение состоит из богатства, эффективности и истины.

В конце XVIII века, во время первой индустриальной революции было сделано открытие обратного: нет техники без богатства, но нет и богатства без техники. Техническое устройство требует инвестиций, но поскольку оно оптимизирует результативность того, к чему применяется, то может оптимизировать также и прибавочную стоимость, получаемую от такой повышенной эффективности. Достаточно реализовать эту прибавочную стоимость, т. е. продать продукт, полученный при усовершенствовании. И мы можем замкнуть систему следующим образом: часть продукта при этой продаже пойдет в фонд проведения исследования, предназначенного усовершенствовать далее полученное достижение. И именно в этот момент наука становится

производительной силой, т. е. моментом в циркуляции капитала.

Скорее желание обогатиться, чем познать, навязывает технике императив увеличения эффективности и реализуемости продукции. «Органическое» сопряжение техники с прибылью предшествует ее соединению с наукой. В современном знании техника приобретает значение только через посредство духа всеобщей эффективности. Даже сегодня зависимость прогресса знания от роста технологических инвестиций не является непосредственной¹⁵⁶.

Но капитализм принес свое решение научной проблемы кредитования исследования: прямо, через финансирование исследовательских подразделений предприятий, где императив эффективности и рекоммерциализации преимущественно направляет исследования на «прикладные цели», или опосредованно — через

---

¹⁵⁶ Малкей развивает гибкую модель относительной независимости техники от научного знания: *Mulkay M.J. The Model of Branching // The Sociological Review. Vol. XXXIII, 1976. P. 509-526.* Х. Брукс, президент научного и общественного комитета Национальной академии наук, соавтор «Rapport Brooks» (OCDE, juin 1971), критикуя модель инвестиций в исследование и развитие (*R&D*) в 60-е годы, заявил: «Одним из результатов гонки к луне стал рост стоимости технологических инноваций, так, что это стало попросту слишком дорого... Исследование само по себе это долгое занятие: быстрое ускорение или замедление требуют неоправданных затрат и говорят об отсутствии компетенции. Интеллектуальная продуктивность не может превысить определенный ритм.» (*Brooks H. Les Etats-Unis ont-ils une politique de la science? // La recherche. N°14, juillet 1971. P. 611.*) В марте 1972, Э.Э. Дэвид (мл.), научный советник Белого дома, которому принадлежит идея проекта «Прикладное исследование национальных потребностей» (RANN), делает сходное заключение: «широкая и гибкая стратегия для исследований — жесткая тактика для развития». (*La recherche. N°21, mars 1972. P. 211.*)

создание частных, государственных или смешанных исследовательских фондов, которые выделяют кредиты на выполнение программ университетским департаментам, исследовательским лабораториям или независимым группам ученых, не ожидая от их работ сиюминутной прибыли, но предполагая в принципе, что нужно финансировать глубинные исследования на протяжении определенного времени, чтобы повысить вероятность получения решающей, а следовательно, очень рентабельной инновации¹⁵⁷. Национальные государства, особенно в их кейнсианский период, следуют одному правилу: прикладное исследование — исследование фундаментальное. Они сотрудничают с предприятиями посредством всякого рода агентств¹⁵⁸. Нормы организации труда, превалирующие на предприятиях, проникают в лаборатории прикладных исследований: иерархия, принятие решений по работе, формирование групп, оценка индивидуальной и коллективной продуктивности, разработка продаваемых программ, поиск клиента и т. д.¹⁵⁹ «Чистые» исследователь-

---

¹⁵⁷ Это было одним из условий, которые выдвинул Лазарсфельд, когда соглашался на создание Центра исследования массовых коммуникаций в Принстоне в 1937 году. Ситуация была напряженной. Радиопромышленники отказывались вкладывать деньги в проект. Они говорили, что Лазарсфельд начинает дела, но не заканчивает. Сам Лазарсфельд говорил Моррисону: *«I usually put things together and hoped they worked»*. Цитируется по: Morrison D. The Beginning of Modern Mass Communication Research // Archives européennes de sociologie. Vol. XIX. N°2, 1978. P. 347-359.

¹⁵⁸ В Соединенных Штатах величина федеральных государственных вложений в *R&D* в 1956 году была равна частным вкладам, но затем они ее опередили (OCDE, 1965).

¹⁵⁹ Нисбет (op.cit. Chapitre 5) с горечью описывает проникновение *higher capitalism* в университет под видом независимых ис-

ские центры страдают меньше, но и получают меньше кредитов.

Предъявление доказательства, в принципе, есть только часть аргументации, которая сама предназначена для получения одобрения получателей научного сообщения, и проходит под контролем другой языковой игры, где цель не истина, а эффективность, т. е. наилучшее соотношение «вход/выход». Государство и/или предприятие покидают идеалистический или гуманистический легитимирующий рассказ, чтобы оправдать новую цель: в речи сегодняшних распорядителей кредитов только одна цель внушает доверие, это — производительность. Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность.

Вопрос, в чем заключается дискурс производительности и может ли он учреждать легитимацию. На первый взгляд кажется, что этому мешает традиционное различие между силой и правом, силой и мудростью, т. е. между сильным, справедливым и правильным. Именно об этой взаимонесоразмерности мы и говорили раньше, в терминах теории языковых игр, различая денотативную игру, где релевантность принадлежит истинному/ложному; прескриптивную игру, которая исходит из справедливо/несправедливо; техническую игру, где критерий эффективно/неэффективно. «Сила» появляется только в последней, технической, игре. Мы исключаем случаи, когда ее используют для террора. Такой

следовательских отделений. Социальные отношения в центрах поколебали американскую традицию (см.: (Auto)critique de la science. Loc.cit. Chapitres «Le prolétariat scientifique», «Les chercheurs», «La crise des mandarins»).

случай оказывается вне языковой игры, поскольку эффективность силы полностью определяется опасностью уничтожения партнера, а не лучшим, по сравнению с собственным, «приемом». Всякий раз, когда результативность, т. е. получение желаемого эффекта, достигается путем «Скажи или сделай, иначе замолчишь навсегда», мы оказываемся в области террора, где социальная связь разрушается.

Но верно и то, что результативность, повышая способность доказывать, повышает также способность быть правым: широко введенный в научное знание технический критерий оказывает влияние на критерий истинности. То же самое можно сказать и об отношении между справедливостью и результативностью: вероятность того, что определенный порядок будет считаться справедливым, повышается по мере того, как им выполняются определенные задачи, и с ростом эффективности прескриптора. Так, Луман считает, что им обнаружено замещение нормативности законами эффективности процедур в постиндустриальных обществах¹⁶⁰. «Контроль контекста», т. е. улучшение результатов, направленных против партнеров, которые образуют этот контекст (будь то «природа» или люди), могло бы расцениваться как некоего рода легитимация¹⁶¹. Это было бы легитимацией по факту.

---

¹⁶⁰ *Luhman N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied: Luchterhand, 1969.*

¹⁶¹ К. Мюллер, комментируя Лумана, писал: «В развитых индустриальных обществах законо-рациональная легитимация заменена технократической легитимацией, которая не придает никакого значения (*significance*) ни убеждениям граждан, ни самой нравственности» (*Mueller Cl. The Politics of Communication. Loc.cit. P. 135*). См. также библиографию на немецком языке по вопросам технократии в кн.: *Habermas J. Théorie et pratique. T.II. Loc.cit. P. 135-136.*

Горизонт этой процедуры таков: «реальность» предоставляет доказательства для научной аргументации и результаты для предписаний и обещаний правового, этического и политического порядка; становясь «хозяином реальности», становятся хозяином того и другого, что позволяет применение технических приемов. Усиливая технические приемы, «усиливают» реальность, а следовательно — шансы быть справедливым и правым. И наоборот: технические приемы усиливаются тем лучше, чем больше имеется в распоряжении знаний и возможности принимать решения.

Таким образом легитимация оформляется через производительность. Последняя — это не только хорошая результативность, но еще и хорошая верификация и хорошее заключение. Она легитимирует науки и право через их эффективность, а эту последнюю через первые. Она самолегитимируется, как, по-видимому, это делает система, отрегулированная на оптимизацию своих результатов¹⁶². Однако это и есть в точности контроль над контекстом, который должен обеспечивать обобщенную информатизацию. Перформативность высказывания — денотативного или прескриптивного — повышается пропорционально информации, имеющейся о его референте. Таким образом, в настоящее время рост производительности и ее самолегитимация проходят через производство, сохранение, доступность и операциональность информации.

Отношение наука/техника перевернулось. Слож-

---

¹⁶² Лингвистический анализ контроля истинности дан в: *Fauconnier G. Comment contrôler la vérité? Remarques illustrées par des assertions dangereuses et pernicieuses en tout genre // Actes de la recherche en sciences sociales. N°25, janvier 1979. P. 1-22.*

ность аргументации кажется особенно интересной, поскольку обязывает совершенствовать средства доказательства, а результативность от этого только выигрывает. Распределение государством, предприятиями и совместными компаниями средств на исследования подчиняется этой логике роста производительности. Исследовательские подразделения, которые не могут похвастать своим вкладом, хотя бы непрямым, в оптимизацию результатов системы, обойдены кредитами и обречены на старение. Критерий результативности открыто выдвигается администрацией для оправдания отрицательной аттестации деятельности того или иного исследовательского центра¹⁶³.

---

¹⁶³ Так, в 1970 году британскому *University Grants Committee* было предложено «сыграть более позитивную роль в области производительности, специализации, концентрации предметов исследования и контроля зданий и ограничить затраты на эти последние» (*The Politics of Education: E. Boyle & A. Grosland parlent à M. Kogan. Penguin Education Special, 1971*). Это может показаться противоречащим процитированным нами ранее заявлениям (примеч.156). Но: 1) «стратегия» может быть либеральной, а «тактика» авторитарной, что говорил между прочим Эдвардс; 2) ответственность внутри иерархий государственной власти часто понимается в более узком смысле, как способность отвечать за расчетную результативность проекта; 3) государственные власти не застрахованы от давления частных групп, чей критерий результативности немедленно подлежит применению. Если в исследовании невозможно рассчитать вероятность инновации, государственный интерес состоит все же в том, чтобы поддержать любое исследование, на других, нежели расчетная эффективность, условиях.

глава 12

преподавание и его легитимация через результативность

В отношении обратной стороны знания — его передачи, т. е. преподавания, широко известно, какой вид принимает в нем преобладание критерия результативности.

Когда представление об установленных знаниях уже сформировано, то вопрос об их передаче прагматическим образом начинает подразделяться на некую серию вопросов: кто передает? что? кому? с помощью чего? в какой форме? с каким результатом¹⁶⁴? Университетская политика формируется как связный ансамбль ответов на эти вопросы.

Когда критерием обоснованности становится эффективность предполагаемой социальной системы, т. е.

---

¹⁶⁴ Такое определение процессу коммуникации было дано Ласуэлом на семинарах Princeton Radio Research Center под руководством Лазарсфельда: «Who says to whom in what channel with what effect?» (*Morrison. Op.cit.*)

когда принимается перспектива теории систем, то из высшего образования делают подсистему социальной системы и применяют к каждой из его проблем все тот же критерий результативности.

Результатом, который при этом хотят получить, является оптимальный вклад высшего образования в наилучшую эффективность социальной системы. А значит нужно сформировать критерии компетентности, необходимой для этой системы. Их два вида. Первые в большей мере предназначаются для противостояния мировому соперничеству. Они видоизменяются в зависимости от соответствующих «специальностей», которые национальные государства или крупные образовательные институты могут «продать» на мировой рынок. Если наша общая гипотеза верна, то спрос на экспертов, высших и средних руководителей передовых секторов, описанных нами в начале данного исследования и являющихся ставкой грядущих лет, будет возрастать. Все дисциплины, имеющие отношение к «телематике» (информатика, кибернетика, лингвистика, математика, логика...), должны быть признаны как приоритеты образования. И в тем большей степени, что увеличение числа таких экспертов должно ускорить прогресс исследований в других областях познания, как мы уже видели на примере медицины и биологии.

С другой стороны, но в рамках все той же общей гипотезы, высшее образование должно продолжать поставлять социальной системе компетенции, связанные с ее собственными требованиями, призванные поддерживать ее внутреннее единство. Раньше эта задача содержала образование и распространение всеобщей модели жизни, которая чаще всего легитимировала рас-

сказ об освобождении. В контексте утраты легитимности (делегитимации) университеты и институты высшего образования подчиняются отныне требованию формирования компетенций, а не идеалов: столько-то врачей, столько-то преподавателей той или иной дисциплины, столько-то инженеров, столько-то администраторов и т. д. Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам¹⁶⁵.

Если цели высшего образования функциональны, то как же обстоит дело с его получателями? Студент уже изменился и должен измениться еще. Это уже не тот молодой выходец из среды «либеральных элит»¹⁶⁶, в большей или меньшей степени вовлеченный в решение великой задачи социального прогресса, понимаемого как эмансипация. В этом смысле «демократический» университет, где нет предварительного отбора, не

---

¹⁶⁵ Парсонс определяет это как «инструментальный активизм», расточая ему похвалы до такой степени, что тот начинает путаться с «рациональным познанием»: «Неявная ориентация на рациональное познание в общей культуре инструментального активизма, становится достаточно эксплицитной и ценится более высоко среди наиболее образованных социальных категорий, которые самым очевидным образом находят ей применение в своей профессиональной деятельности». (*Parsons T. & Platt G.M. Considerations on the American Academic Systems // Minerva. Vol. VI, 1968.*)

¹⁶⁶ Мюллер противопоставляет профессиональную интеллигенцию (*professional intelligentsia*) технической интеллигенции (*technical intelligentsia*). Вслед за Дж. Гелбрайтом он описывает трудности и сопротивление первых при столкновении с технократической легитимацией. (Op.cit. P.172-177).

слишком дорог для студента, да и для общества, если «стоимость» студента оценивать *per capita*, но массовые приемы в вузы¹⁶⁷, организованные по гуманистическо-эмансипаторской модели, оказываются сегодня малоэффективными¹⁶⁸. В действительности, высшее образование уже подверглось значительному преобразованию, направляемому одновременно административными мерами и социальным запросом, который сам, в отсутствие должного контроля, производит новых потребителей и стремится разделить свои функции между двумя большими видами.

Судя по функции профессионализации, высшее образование все еще адресуется к молодым выходцам из либеральных элит, которым передается компетенция, считающаяся необходимой для данной профессии. К этому добавляются тем или иным путем (например,

---

¹⁶⁷ В 1970-71 годах в возрастной группе старше 19 лет доля попавших в вузы была от 30 до 40% для Канады, США, Советского Союза и Югославии; около 20% — для Германии, Франции, Великобритании, Японии и скандинавских стран. Во всех этих странах доля студентов удвоилась или утроилась по сравнению с 1959 годом. Согласно тому же источнику (*Devèze M. Histoire contemporaine de l'université. Paris: SEDES, 1976. P. 439 - 440*), доля студентов в общем числе народонаселения возросла в период с 1950 по 1970 годы с 4% до примерно 10% в Западной Европе, с 6,1% до 21,3% в Канаде; с 15,1% до 32,5% в США.

¹⁶⁸ В 1968 - 1975 годах во Франции общие затраты на высшее образование (не включая CNRS) возросли с 3075 тыс. франков (новыми) до 5454 тыс. франков, что составляло соответственно 0,55% и 0,39% валового национального продукта. Абсолютное в числовом выражении увеличение расходов коснулось следующих статей: оплата труда, накладные расходы, стипендии. Что же касается расходов на исследования, то эти цифры оставались неизменными. (*Devèze. Op.cit. P. 447 - 450.*) В 1970 году Э.Э. Давид заявил, что для текущего десятилетия нет необходимости выпускать больше Ph.D., чем в предыдущем. (*Op.cit. P. 212.*)

через технологические институты), но согласно одной дидактической модели получатели нового знания, связанного с новой техникой или новыми технологиями. Они тоже молоды и еще не «активны».

Помимо этих двух категорий студентов, которые воспроизводят «профессиональную интеллигенцию» и «техническую интеллигенцию»¹⁶⁹, другие молодые люди в университете представляют собой по большей части неучтенных статистикой занятости безработных. На деле их число избыточно по отношению к возможностям занятости по получаемой специальности (филологи, гуманитарии). Они составляют в действительности, несмотря на их возраст, новую категорию — получатели передаваемого знания.

Следовательно, наряду с функцией профессионализации университет начинает или должен начать играть новую роль в плане увеличения эффективности системы. Это роль переподготовки или непрерывного образования¹⁷⁰. Вне университетов, отделений или институтов профессионального профиля знание не пе-

---

¹⁶⁹ По терминологии К. Мюллера (Op.cit.).

¹⁷⁰ Об этом под рубрикой «Культурное образование» пишут М. Риу и Ж. Дофни: *Dofny J. & Rioux M. Inventaire et bilan de quelques expériences d'intervention de l'université // L'Université dans son milieu: action et responsabilité. (Colloque de l'AUPPELLF). Université de Montréal, 1971. P. 155-162.* Авторы критикуют так называемые два типа университета в Северной Америке: *liberal art colleges*, где преподавание и исследовательская работа полностью отделены от социального запроса, и *multiversity*, готового избавиться от преподавания любой дисциплины, чье финансирование может взять на себя сообщество. Об этой формуле см. подробнее: *Kerr C. The Uses of the University. With a Postscript-1972. Cambridge (Ma): Harvard U.P., 1972.* В таком же смысле, но без интервенционизма в общество со стороны университета, за который ратуют Дофни и Риу, описывает университет будущего М. Альо в материалах того же кол-

редается и не будет в дальнейшем передаваться молодым людям целиком и раз и навсегда еще до начала их активной жизни. Оно передается и будет передаваться «на выбор» взрослым, начавшим трудовую деятельность или собирающимся начать ее, с тем, чтобы повысить их компетенцию и профессиональное продвижение, но также для усвоения информации, языков и языковых игр, которые позволят им расширить горизонт их профессиональной жизни и соединить их технический и этический опыт¹⁷¹.

Новый курс, взятый передачей знания, идет не без конфликтов. Ибо, насколько он представляет интерес системы и, следовательно, — решающих лиц, способствовать профессиональному продвижению, которое может только улучшить данные совокупности, настолько эксперимент над дискурсом, институтами и ценностями, сопровождаемый неизбежным «беспорядком» в обороте, контроле знаний и преподавании, не говоря уже о социо-политических последствиях, имеет вид мало операциональный и оказывается лишенным малейшего доверия в лице серьезной системы. Вместе с тем, описанный здесь курс — это выход из функционализма, тем более значимый, что именно функционализм его и обозначил¹⁷². Но можно вообразить, что от-

локвиума (*Aliot M. Structures optimales de l'institution universitaire // Ibid. P. 141-154*). Он заключает: «Мы верим в структуры, в то время как на самом деле должны стремиться иметь их как можно меньше». Таков профиль Экспериментального центра, затем Университета Париж VIII (Винсен), заявленный во время его создания в 1968 году. Об этом см.: *Vincennes ou le désir d'apprendre / Alain Moreau, 1979*.

¹⁷¹ Здесь автор может выступить свидетелем такого опыта во многих департаментах Винсенского университета.

¹⁷² Закон об ориентации высшего образования от 12 ноября

ветственность за это будет возложена на внеуниверситетские круги¹⁷³.

Во всяком случае принцип результативности, даже если он не всегда позволяет явным образом определять политику, которой нужно следовать, имеет своим глобальным следствием подчинение институтов высшего образования властям. Начиная с того момента, когда знание перестает быть самоцелью, осуществлением идеи или эмансипацией человека, его передача уходит из-под исключительной ответственности ученых и студентов. Идея «университетской вольности» сегодня уже прошлый день. После кризиса конца 60-ых университетские свободы имеют мало веса, поскольку педагогические советы практически повсеместно не властны решать бюджетные вопросы: сколько денег сможет получить их институт¹⁷⁴; они могут лишь распоряжаться

1968 г. включает непрерывное образование (понимаемое профессионалистски) в реформу высшего образования. Оно «должно быть открыто для бывших студентов, а также для лиц, которые не имели возможности учиться, чтобы позволить им, в соответствии с их способностями, повысить шансы на продвижение или смену профессиональной деятельности».

¹⁷³ В интервью, которое дал журналу «Télésept-jours» (N°981, 17 mars 1979) министр образования Франции и в котором он официально рекомендовал ученикам госшкол сериал «Holocauste», показываемый по второму каналу телевидения (беспрецедентная инициатива), заявляется о попытке образовательного сектора создать самостоятельный аудиовизуальный инструмент. По мнению министра, попытка провалилась, и «первой задачей воспитания является научить детей выбирать их телепрограммы».

¹⁷⁴ В Великобритании, где участие государства в расходах на функционирование университетов возросло с 30% в 1920 году до 80% в 1960 году, созданный при госкомитете по науке и университетам *University Grants Committee* после анализа запросов и планов развития, представленных университетами, распределяет между ними годовое финансирование. А в США, например, *Trustees* всевластны.

тем, что им выделено, и к тому же только контролировать прохождение этих сумм¹⁷⁵.

Посмотрим теперь, что же передается в системе высшего образования. В отношении профессионализации — придерживаясь узко функционалистской точки зрения — главное из того, что передается, сформировано организованной массой знаний. Применение к этой массе новых технических приемов может оказывать значительное влияние на коммуникационную основу. Не кажется невероятным то, что эта последняя может быть курсом, озвученным профессором перед безгласными студентами, а время на вопросы будет перенесено на семинары, которые ведутся ассистентом. Все-таки знания могут передаваться на языке информатики, и все-таки традиционное преподавание может быть уподоблено памяти, поэтому дидактика может быть передоверена машинам, связывающим классические виды памяти (библиотеки и т. п.) и банки данных с мыслящими терминалами, предоставленными в распоряжение студентов.

Педагогика от этого не всегда страдает, поскольку нужно все же научить студентов чему-то: не содержанию даже, а пользованию терминалами, т. е. с одной стороны, новым языкам, с другой — более тонкому обращению с такой языковой игрой как вопрошание: куда адресовать вопрос, т. е. какая память соответствует тому, что хотят узнать; как сформулировать его, чтобы избе-

---

¹⁷⁵ Т. е. для Франции — прохождение денег между подразделениями по финансированию функционирования и приобретения оборудования. Оплата труда не входила в их ведение, за исключением внештатных работников. Финансирование проектов, новых направлений и т. п. входило в общую сумму, выделенную данному университету на преподавание.

жать насмешек и т. п.¹⁷⁶ В таком аспекте элементарная подготовка по информатике и, в особенности, по телематике должна обязательно стать частью высшей пропедевтики, на том же основании, что и обычное прохождение практики при изучении иностранного языка¹⁷⁷.

Только в перспективе великих рассказов о легитимации, жизни духа и/или эмансипации человечества замещение части преподавания машинами может казаться неполноценным и даже неприемлемым. Но возможно, эти рассказы уже не составляют главной движущей силы интереса к познанию. Если эта главная движущая сила — производительность, то этот аспект классической дидактики становится неадекватным. Явно или неявно, но вопрос, задаваемый студентом, проходящим профессиональную подготовку, государством или учреждением высшего образования, это уже не вопрос «Верно ли это?», но «Чему это служит?». В контексте меркантилизации знания чаще всего этот последний вопрос означает «Можно ли это продать?». А в контексте повышения производительности — «Эффективно ли это?». Однако распоряжение производительной компетенцией должно быть, по всей видимости, «продаваемым» при описанных нами выше условиях; она эффективна по определению. А прекращает существовать как раз компетенция, определяемая по другим критериям: истинное — ошибочное, справедливое — несправедли-

---

¹⁷⁶ *Mc Luhan M. D'oeil à l'oreille. Paris: Denoël-Gonthier, 1977; Antoine P. Comment s'informer? // Projet. N°124, avril 1978. P. 395-413.*

¹⁷⁷ Известно, что пользование «мыслящими» терминалами преподается в японских школах. В Канаде, например, отдельные университетские центры и колледжи постоянно используют их.

вое и т. п., и несомненно слабая результативность вообще.

Перспектива емкого рынка операциональных компетенций открыта. Обладатели такого рода знания есть и будут предметом предложения и даже ставкой политики соблазна¹⁷⁸. С этой точки зрения, это не конец познания, а совсем наоборот. Банки данных являются энциклопедией завтрашнего дня. Они превышают способности каждого пользователя и по своей «природе» принадлежат человеку постмодерна¹⁷⁹.

Отметим, во всяком случае, что дидактика не заключается в одной только передаче информации и что компетенция, даже результативная, не исчерпывается обладанием хорошей памятью с данными или хорошими возможностями доступа к запоминающим устройствам. Банально подчеркивать значение способности актуализировать подходящие данные для решения проблемы «здесь и теперь» и выстраивать их в эффективную стратегию.

В игре с неполной информацией преимущества получает тот, кто знает или может получить дополнительную информацию. Такова, по определению, ситуация студента в процессе обучения. Но в играх с исчерпывающей информацией¹⁸⁰ наилучшая результативность не

---

¹⁷⁸ Это было последовательной политикой американских исследовательских центров, начиная со второй мировой войны.

¹⁷⁹ Нора и Минк писали (op.cit. P. 16): «Принципиальным изъяном в ближайшие десятилетия для развитых полюсов человечества будет не отсутствие знаний в какой-либо области. Они уже есть. Проблема в трудностях выстраивания сети связей, которые подталкивают развитие совокупности информации и организации».

¹⁸⁰ *Rapoport A. Fights, Games and Debates.* Ann Arbor: Un. of Michigan Press, 1960.

может заключаться (гипотетически) в получении дополнительной информации. Она получается из новой организации данных, что собственно и составляет «прием». Такая новая организация получается чаще всего при включении в ряд данных, которые до того считались независимыми¹⁸¹. Эту способность сочетать между собой данные до того несочетавшиеся можно назвать воображением. Одно из его основных свойств — скорость¹⁸².

Однако допустимо изображать мир знания эпохи постмодерна как мир, управляемый игрой с исчерпывающей информацией, в том смысле, что она в принципе доступна для всех экспертов: здесь нет научного секрета. При равной компетенции дополнительное увеличение эффективности в производстве знания, а не в его приобретении, зависит в конечном итоге от этого «воображения», позволяющего либо выполнить новый «прием», либо поменять правила игры.

Если преподавание должно обеспечивать не только воспроизводство компетенций, но и их прогресс, то соответственно необходимо, чтобы передача знания не ограничивалась передачей информации, а учила бы всем процедурам, способствующим увеличению способности сочленять поля, которые традиционная организация знаний ревностно изолировала друг от друга. Лозунг междисциплинарности, распространившийся

---

¹⁸¹ Это *Branching Model* по Малкею (см. прим. 156). Жиль Делез анализировал событие в терминах пересечения рядов в своих книгах «Логика смысла» и «Различие и повторение».

¹⁸² Время является переменной, которая входит в определенные единицы производительности в динамике. См.: *Virilio P. Vitesse et politique*. Paris: Galilée, 1976.

особенно после кризиса 68 года, но рекомендованный еще ранее, по-видимому, согласуется с этим направлением. Говорят, что он столкнулся с университетским федерализмом, но он столкнулся также со многим другим.

В гумбольдтовской модели университета каждая наука занимает свое место в системе, которая венчает специализацию. Захват одной наукой поля другой может вызвать только возмущение, «шумы» в системе. Сотрудничество возможно на уровне спецификации, в головах философов.

Напротив, идея междисциплинарности принадлежит собственно эпохе делегитимации и ее вынужденному эмпиризму. Отношение к знанию — это не то же самое, что осуществление жизни духа или освобождение человечества; это скорее отношение пользователей концептуального аппарата и сложного материала к получателям результатов. Они не располагают ни мета-языком, ни метарассказом для того, чтобы сформулировать конечную цель знания и правильное использование. Но они владеют *brain storming*, чтобы увеличить его результативность.

Придание особой ценности работе в группе говорит о таком преобладании критерия результативности в знании. Ибо в отношении того, о чем можно сказать «истинно» или «справедливо», количество ничего не значит, оно может играть какую-то роль, если справедливость и истинность осмысливаются в терминах более вероятного успеха. В самом деле, при соблюдении условий давно определенных социальными науками¹⁸³, результаты вообще улучшаются при групповой работе.

---

¹⁸³ *Moreno J.L. Who shall Survive? (1934) N.Y.: Beacon, 2 ed., 1953.*

Но по правде сказать, они в основном зафиксировали свой успех роста эффективности только в границах одной данной модели, т. е. для выполнения одной задачи. Улучшение результатов кажется менее очевидным, когда речь заходит о том, чтобы «вообразить» новые модели, т. е. о концепции. Примеры этому существуют¹⁸⁴, но все же трудно объединить разделенное, то, что проистекает из устройства группы и обязано исключительной способности согруппников.

Эта ориентация, как можно видеть, касается больше производства знания (исследований), чем его передачи. Совершенно разделять эти аспекты — абстракция и к тому же, возможно, вредная даже в рамках функционализма и профессионализма. Тем не менее, решение, на которое в действительности ориентируются институты знания во всем мире, заключается в разведении этих двух аспектов дидактики: «простого» воспроизводства и «расширенного» производства. При этом разводят сущности разной природы: институты, уровни или циклы в институтах, группировки институтов, дисциплин, когда одним предписаны отбор и воспроизводство профессиональных компетенций, а другим — продвижение и «максимальное ускорение» способности к «воображению». Каналы передачи, отданные в распоряжение первых могут быть упрощены и получить широкое распространение, а вторые существуют в маленьких группах, работающих в режиме аристократическо-

---

¹⁸⁴ *The Mass Communication Research Center* (Princeton), *The Mental Research Institute* (Palo Alto), *The Massachusetts Institute of Technology* (Boston), *Institut für Sozialforschung* (Frankfurt) среди наиболее известных. Часть аргументации К. Керра в пользу того, что он называет *Ideopolis* покоится на принципе выигрыша в изобретательности, получаемого при коллективных исследованиях (Kerr C. Op.cit. P. 91).

го эгалитаризма¹⁸⁵. Относятся или нет официально эти последние к университетам не имеет большого значения.

Но можно быть уверенным в том, что в этих двух случаях делегитимация и упор на результативность звонят отходную по эре Профессора: он уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств в деле передачи установленного знания или чем междисциплинарная группа в деле разработки новых технических приемов или новых игр.

---

¹⁸⁵ Д.Ж. де Солла Прис (*Solla Price D.J., de. Little Science, Big Science. Loc. cit.*) пытается создать науку науки. Он установил законы (статистические) науки, взятой в качестве социального объекта. В примечании 131 мы уже говорили о законе недемократического расслоения. Другой закон — «невидимого колледжа» — описывает эффект, который вытекает из роста числа публикаций и насыщения каналов информации в учреждениях науки: реакция «аристократов» знания состоит в попытке установить прочную сеть межличностных контактов, объединяющих максимум сотню членов. Д. Крэйн дал социометрическую интерпретацию одному из таких колледжей: *Crane D. Invisible Colleges. Chicago&London: The Un.of Chicago Press, 1972.*

глава 13

постмодернистская наука как поиск нестабильности

Мы уже указывали ранее, что прагматика научного исследования, особенно в аспекте поиска новой аргументации, выводит на передний план изобретение новых «приемов» и даже новых правил языковых игр. Теперь важно подчеркнуть этот аспект, ставший решающим при нынешнем состоянии научного знания. Шаржируя, мы могли бы сказать об этом последнем, что он ищет «пути выхода из кризиса», которым является кризис детерминизма. Ведь детерминизм — гипотеза, на которой зиждется легитимация через результативность: она определяется отношением вход/выход. Нужно допустить, что система, в которой осуществляется вход стабильна и послушно следует правильной «траекторией», в отношении которой можно установить постоянную функцию, а также отклонение, позволяющее правильно прогнозировать выход.

Такова позитивистская «философия» эффективности. Противопоставляя ей здесь несколько существенных случаев, мы предполагаем тем самым облегчить окончательный спор о легитимации. Речь в общем идет о том, чтобы показать на некоторых предметах, как мало общего имеет прагматика постмодернистского научного знания с поиском результативности.

Развитие науки не происходит, благодаря позитивизму эффективности. Наоборот: работать над доказательством значит искать и «выдумывать» контрпример, т. е. нечто неинтеллектуальное; разрабатывать аргументацию — значит исследовать «парадокс» и легитимировать его с помощью новых правил игры рассуждения. В этих двух случаях поиск эффективности не является самоцелью, но она появляется в дополнение, иногда с опозданием, когда распределители фондов начинают наконец интересоваться случаем¹⁸⁶. Но вместе с новой теорией, новой гипотезой, новой формулировкой, новым наблюдением не может не возникнуть вновь, не вернуться вопрос о легитимности. Поскольку не философия, а сама наука ставит его.

Устарела не необходимость спрашивать себя, что истинно или справедливо, а манера представлять науку как позитивистскую и обреченную на то нелегитимное признание, на полужнание, которое видел в ней немецкий идеализм. Вопрос «Чего стоит твой аргумент? Чего стоит твое доказательство?» настолько сросся с

---

¹⁸⁶ Б. Мандельброт дает «биографический набросок» исследователей в области математики и физики, которые были признаны с опозданием или оставались непризнанными из-за необычности области их интересов и вопреки плодотворности их открытий. (*Mandelbrot B. Les objets fractals. Forme, hasard et dimension. Paris: Flammarion, 1975. P. 172-183.*)

прагматикой научного знания, что обеспечивает превращение получателя искомого аргумента или доказательства в отправителя нового аргумента или нового доказательства и, следовательно, к одновременному обновлению дискурсов и научных поколений. Наука развивается и никто не может отрицать того, что она развивается вместе с разработкой этого вопроса. И сам этот вопрос, развиваясь, приводит к вопросу, а точнее к метавопросу, о легитимности: «Чего стоит твое “чего стоит”»¹⁸⁷?

Как мы уже говорили, поразительной чертой постмодернистского научного знания является имманентность самому себе (но эксплицитная) дискурса о правилах, которые его узаконивают¹⁸⁸. То, что в конце XIX века могло проходить за утрату легитимности и сползание в философский «прагматизм» или логический позитивизм, было только эпизодом, где знание отмечалось включением рассуждений об обосновании высказываний, считавшееся законом, в научный дискурс. Такое включение, как мы уже видели, это не простая операция: она дает место «парадоксам», воспринимаемым как в высшей степени серьезные, и «пределам» значимости знания; являющимся в действительности модификациями его природы.

---

¹⁸⁷ Известный пример этому дает дискуссия о детерминизме, возникшая вокруг квантовой механики. См., например, переписку М. Борна с А. Эйнштейном (1916 — 1955), опубликованную Ж.М. - Леви-Леблондом (*Lévy-Leblond J.M. Le grand débat de la mécanique quantique // La recherche. — N°20, février 1972. P. 137-144*). История гуманитарных наук на протяжении целого века пестрит пассажирами антропологического дискурса на уровне метаязыка.

¹⁸⁸ В работе И. Хассана «Культура, неопределенность, имманентность» дается описание того, что он называет «имманентность».

Математическое исследование, закончившееся теорией Гёделя, служит настоящей парадигмой такого изменения природы знания¹⁸⁹. Но не менее показательна в аспекте нового научного духа трансформация динамики. Она интересует нас особо, поскольку обязывает скорректировать понятие, широко введенное в дискуссию о продуктивности, особенно, в области социальной теории. Речь идет о понятии системы.

Идея продуктивности подразумевает идею очень стабильной системы, поскольку она покоится на основе отношения, а отношение, в принципе, всегда поддается расчету: между теплотой и работой, между теплым и холодными источниками, между входом и выходом. Эта идея идет от термодинамики. Она сочетается с представлением об ожидаемой эволюции рабочих характеристик системы, при условии, что известны все ее переменные. Это условие сформулировано явным образом как ограничение фикцией «демона» Лапласа¹⁹⁰; имея в распоряжении все переменные, определяющие состояние мира в момент t , можно рассчитать ее состояние в момент $t' > t$. Это изображение поддерживается принципом, что физические системы, включая систему систем — универсум, подчиняются закономерностям, которые в результате их эволюции могут обозначить предполагаемую траекторию и делают возможными непрерывные «нормальные» функции (и прогнозирование).

Квантовая механика и атомная физика ограничивают распространение этого принципа. И делают это двумя способами, соответствующее применение которых дает неравнозначный эффект. Прежде всего опре-

¹⁸⁹ См. прим. 142.

¹⁹⁰ Лаплас П.С. Изложение системы мира. (1796)

деление исходного состояния системы, т. е. всех независимых переменных: если мы хотим, чтобы оно [определение] было действенным, то нам придется затратить энергии по меньшей мере столько же, сколько потребляет искомая система. Ненаучная версия такой невозможности на деле осуществить полное измерение состояния системы дана в замечании Борхеса. Император хочет составить абсолютно точную карту империи, а в результате получает крушение страны: все ее население отдало всю свою энергию картографированию¹⁹¹.

Идея (или идеология) абсолютного контроля над системой, который должен улучшать ее результаты, с аргументацией Бриллиуэна¹⁹² показала свою несостоятельность в отношении противоречия: он понижает результативность, хотя заявляется обратное. Эта несостоятельность объясняет, в частности, слабость государственных и социо-экономических бюрократий: они душат контролируемые ими системы или подсистемы и задыхаются вместе с ними (отрицательный *feedback*). Такое объяснение интересно тем, что ему не нужно прибегать к какой-либо легитимации, отличающейся от легитимации системы, например, к легитимации свободы человеческих индивидов, настраивающей их против излишней авторитарности. Допуская, что общество является системой, нужно понимать, что контроль над

---

¹⁹¹ О строгости науки см.: *Borgès. Histoire de l'infamie*. Monaco: Rocher, 1951. Замечание, о котором идет речь, Борхес приписывает Суаресу Миранде (*Miranda Suarez. Viajes de Varones Prudentes*. Lerida, 1658. V. IV. P. 14.). Приведенная нами выдержка не совсем точна.

¹⁹² Информация сама по себе стоит затрат энергии: отрицательная энтропия (т. е. потенциальное увеличение энергетики), которую она устанавливает, порождает энтропию. Мишель Серр часто использует этот аргумент; например, в работе «Гермес III.» (*Serres M. Hermès III. La traduction*. Paris: Minuit, 1974. P. 92).

ним, подразумевающий точное определение его изначального состояния, не может быть действенным, поскольку это определение невозможно.

Это ограничение может лишь снова поставить под сомнение эффективность точного знания и вытекающей из него власти. Их принципиальная возможность сохраняется неизменной. Однако для познания систем классический детерминизм продолжает оставаться ограничением — неприступным, но понятным¹⁹³.

Квантовая теория и микрофизика заставляют более радикально пересмотреть представление о непрерывной и прогнозируемой траектории. Препятствия, с которыми сталкиваются точные исследования, связаны не с их дороговизной, но с природой материи. Неправда, что недостоверность, т. е. отсутствие контроля, сокращается по мере роста точности: она тоже возрастает. Жан Перрен предлагает в качестве примера измерение истинной плотности (частное от деления массы на объем) воздуха, содержащегося в шаре. Она значительно колеблется, когда объем шара изменяется от 1000 м³ до 1 м³, и очень мало — когда объем шара меняется от 1 см³ до 1/1000^{мм³}; но можно уже наблюдать в этом интервале появление колебаний плотности порядка миллиардных долей, которые появляются нерегулярно. По мере того, как объем шара сокращается, значение этих колебаний возрастает: для объема порядка 1/10^{мм³} кубического микрона колебания достигают порядка тысячных долей, а для 1/100^{мм³} кубического микрона — порядка одной пятой доли.

---

¹⁹³ Мы придерживаемся здесь позиции Пригожина и Стенгерса: *Prigogine I. & Stengers I. La dynamique, de Leibniz à Lucrèce // Critique. N°380 (numéro spécial Serres), janvier 1979. P. 49.*

Сокращая объем дальше, доходят до порядка радиуса молекул. Если шар оказывается в вакууме между двумя молекулами воздуха, то истинная плотность воздуха в нем равна нулю. Однако примерно в одном случае из тысячи центр такого «шарика» оказывается внутри молекулы, и тогда средняя плотность в этой точке сравнима с тем, что называют истинной плотностью газа. А если мы спустимся до внутриатомных размеров, то наш «шарик» имеет вероятность оказаться в вакууме, где плотность снова будет нулевой. Тем не менее, в одном случае из миллиона его центр может попасть на оболочку или на ядро атома, и тогда плотность будет во многие миллионы раз выше плотности воды. «Если шарик сожмется еще..., то, вероятно, средняя плотность снова станет и будет оставаться нулевой, также как и истинная плотность, за исключением тех очень редких положений, где ее значение колоссально выше, чем в предшествующих измерениях»¹⁹⁴.

Знание касательно плотности воздуха, таким образом, разложилось на множественные совершенно несовместимые высказывания; они могут стать совместимыми только при условии их релятивизации в отношении шкалы, выбранной тем, кто формулирует высказывание. С другой стороны, при некоторых шкалах, высказывание данного размера не может сводиться к простому утверждению, а только к модальному, типа: «правдоподобно, что плотность равна нулю, но не исключено, что она будет равна 10^n », где n может принимать высокие значения».

---

¹⁹⁴ Perrin J. Les atoms (1913). Paris: PUF, 1970. P. 14-22. Этот текст Мандельброт дал в Предисловии к «Фрактальным объектам».

Здесь отношение высказывания ученого к тому, «что говорит» «природа», оказывается снятым игрой с неполной информацией. Модализация высказывания первого [ученого] выражает то, что фактическое, единичное (*token*) высказывание, которое произносит вторая [природа], невозможно предугадать. Расчету поддается только вероятность, что это высказывание будет скорее о том-то, а не о том-то. На уровне микрофизики невозможно получить «наилучшую», т. е. самую перформативную, информацию. Вопрос не в том, чтобы знать кто противник («природа»), а в том, какую игру он играет. Эйнштейн восстал против утверждения «Бог играет в кости»¹⁹⁵. Однако эта игра позволяет установить «достоверные» статистические закономерности (тем хуже для образа всевышнего Вершителя). Если бы он играл в бридж, то «исходная случайность», с которой сталкивается наука, должна была бы приписываться не «безразличию» кости в отношении своих граней, но коварству, т. е. оставленному на волю случая выбору между многими возможными чистыми стратегиями¹⁹⁶.

Вообще, можно допустить, что природа является безразличным противником, но она — не коварный противник, и деление на естественные науки и науки о че-

---

¹⁹⁵ Цитируется по: *Heisenberg W. Physis and beyond. N.Y., 1971.*

¹⁹⁶ В выступлении на заседании Академии наук (декабрь 1921 г.) Борель убеждал, что «в играх, где не существует наилучшего способа играть [игры с неполной информацией], можно задать вопрос, а нельзя ли — за отсутствием раз и навсегда избранного кодекса — играть более успешно, варьируя свою игру». Опираясь на это положение, Нойман показывает, что такая вариативность решения является при некоторых условиях «лучшим способом играть». (*Guilbaud G. Th. Eléments de la théorie mathématique des jeux. Paris: Dunod, 1968. P. 17-21; Séris J.P. La théorie des jeux. Paris: PUF, 1974.*) Художники «постмодерна» часто используют эти при-

ловеке основывается на этом различии¹⁹⁷. В прагматических терминах это означает, что в первом случае референтом — немым, но постоянным, как кость брошенная большое число раз — является «природа», на чей предмет ученые обмениваются денотативными высказываниями, представляющими собой «приемы», применяемые друг против друга; тогда как во втором случае референт — человек, являющийся в то же время партнером и развивающий в разговоре наряду с научной еще некую другую стратегию (включая смешанную): случайность, с которой он сталкивается, относится не к объекту или безразличию, а к поведению или стратегии¹⁹⁸, т. е. является агностической.

Можно сказать, что эти проблемы касаются микрофизики и позволяют установить непрерывные функции, достаточно приближенные для правильного прогноза вероятного развития системы. Таким образом, теоретики системы, являющиеся в то же время теоретиками легитимации через результативность, считают, что они в своем праве. Однако в современной математике мы находим такое течение, которое вновь ставит под сомнение точное измерение и прогноз поведения объектов в человеческом масштабе.

емы. См., например: *Cage J. Silence*. Middletown (Conn.): Wesleyan U.P.; 1961; *id. A Year from Monday*. Middletown (Conn.): Wesleyan U.P., 1967.

¹⁹⁷ *Epstein I. Jogos//Ciência e Filosofia*. Revista Interdisciplinar. Universidade de São Paulo, 1979.

¹⁹⁸ «Вероятность снова проявляется здесь не как основополагающий принцип структуры объектов, но как регулирующий принцип структуры поведения» (*Granger G.G. Pensée formelle et sciences de l'homme*. Aubier-Montaigne, 1960. P. 142). Идея, что боги играют, скажем, в бридж, была скорее гипотезой греков доплатоновского периода.

Мандельброт относит все эти исследования к влиянию текста Перрена, который мы уже комментировали, но протягивает вектор действия в неожиданном направлении. «Функции, чьи производные надо вычислить — пишет он, — самые простые, легко поддающиеся расчету, но они являются исключениями. Говоря языком геометрии, кривые, которые не имеют касательной являются прямой линией, а такие правильные кривые, как круг, представляют собой интересные, но очень частные случаи»¹⁹⁹.

Такая констатация — не просто курьез, имеющий абстрактный интерес; она подходит к большинству экспериментальных данных: контуры клочка пены солевой мыльной воды представляют такие фрактальные разбиения (*infractuosités*), что невозможно на глаз определить касательную ни к одной точке ее поверхности. Здесь дается модель броуновского движения, чья особенность, как известно, заключается в том, что вектор перемещения частицы из некоей точки является изотропным, т. е. все возможные направления равновероятны.

Но мы находим ту же проблему в обычных масштабах, когда, к примеру, хотим точно измерить длину берега Бретани, поверхность кратеров Луны, распределение звездной материи или «прорывы» шума в телефонной связи, турбулентность вообще, формы облаков — короче, большинство контуров и распределений вещей, которые не были упорядочены человеческой рукой.

Мандельброт показывает, что фигура, представленная такого рода данными, объединяет их в кривые, соответствующие непрерывным непроизводным функци-

---

¹⁹⁹ Op.cit. P. 4.

ям. Упрощенная их модель — кривая фон Коха²⁰⁰; она имеет внутреннюю гомотетию; можно строго доказать, что гомотетическое измерение, на котором она строится, представляет собой не целое, но $\log 4 / \log 3$. Мы в праве сказать, что такая кривая располагается в пространстве, «число измерений» которого между 1 и 2, и, таким образом, она есть что-то интуитивно промежуточное между линией и поверхностью. Именно потому, что их релевантное гомотетии измерение является дробью, Мандельброт называет эти объекты фрактальными.

Работы Рене Тома²⁰¹ имеют сходное направление. В них также непосредственно ставится вопрос о понятии устойчивой системы, которая является предпосылкой лапласовского и даже вероятностного детерминизма.

Том учредил математический язык, позволяющий описать, как прерывности могут формальным образом появляться в детерминированных явлениях и давать место неожиданным формам: этот язык создал теорию, называемую теорией катастроф.

Допустим, дано: агрессивность есть переменная состояния собаки; она возрастает в прямой зависимости от ее злобности и является контролируемой переменной²⁰². Предположим, что последняя поддается измере-

---

²⁰⁰ Непрерывная кривая не спрямляется внутренней гомотетией. Она была определена фон Кохом в 1904 году и описана Мандельбротом. (См. библиографию к «Фрактальным объектам»).

²⁰¹ См.: *Thome R. Modèles mathématiques de la morphogenèse // 10/18, 1974.* Изложение доступное неспециалистам в теории катастроф дано К. Помианом в «Катастрофах и детерминизме» (*Pomian K. Catastrophes et déterminisme // Libre. N°4, 1978. P. 115-136*).

²⁰² Пример взят Помианом у Зеемана: *Zeeman E. C. The Geometry of Catastrophe // Times Literary Supplement. 10 décembre 1971.*

нию, дойдя до пороговой величины, она трансформируется в атаку. Страх — вторая контролируемая переменная — производит обратный эффект и, дойдя до пороговой величины, приводит к бегству собаки. Если нет ни злобности, ни страха, то поведение собаки нейтрально (вершина кривой Гаусса). Но если обе контролируемые переменные возрастают одновременно, оба порога будут приближаться одновременно, тогда поведение собаки становится непредсказуемым: она может внезапно перейти от атаки к бегству и наоборот. Система называется неустойчивой: контролируемые переменные непрерывно изменяются, переменные состояния изменяются прерывисто.

Том показывает, что можно вывести уравнение этой нестабильности и построить граф (трехмерный, потому что есть две контролируемые переменные и одна переменная состояния), определяющий все движения точки, представляющей поведение собаки, и, в том числе, внезапный переход от одного поведения к другому. Это уравнение описывает тип катастрофы, определяющийся числом контролируемых переменных и переменных состояния (в нашем случае $2+1$).

Спор о стабильных и нестабильных системах, о детерминизме или нет, находит здесь выход, который Том формулирует следующим постулатом: «Более или менее определенный характер процесса детерминируется локальным состоянием этого процесса»²⁰³. Детерминизм является разновидностью функционирования, которое само детерминировано: природа реализует в

---

²⁰³ *Thom R. Stabilité structurelle et morphogenèse. Essai d'une théorie générale des modèles.* Reading (Mass.): Benjamin, 1972. P. 25.

любом случае наименее сложную локальную морфологию, которая, тем не менее, совместима с исходными локальными данными²⁰⁴. Но может быть (и это даже наиболее часто встречающийся случай), что эти данные не допускают стабилизации какой-то формы, ибо они чаще всего находятся в конфликте. «Модель катастроф сводит любой причинный процесс к одному, интуитивное оправдание которого не составляет проблем: конфликт, по Гераклиту, — отец всех вещей»²⁰⁵. Вероятность того, что контролируемые переменные будут несовместимы, больше, чем совместимы. Следовательно, существуют только «островки детерминизма». Катастрофический антагонизм является правилом в прямом смысле: существуют правила всеобщей агонистики рядов, определяющиеся числом вовлеченных переменных.

Влияние работ Тома (по правде сказать, нюансированное) можно найти в исследованиях школы Пало Альто, в частности, в применении парадоксологии к изучению шизофрении, известное под названием «*Double Bind Theory*»²⁰⁶. Ограничимся теперь только замечанием об их сходстве. Оно дает понять распространенность исследований, фокусированных на особенностях и «несоразмерности», которые простираются вплоть до прагматики наиболее обыденных трудностей.

Представление, которое можно вынести из этих (и многих других) исследований, состоит в том, что преимущество непрерывной производной функции как парадигмы познания и прогноза находится на пути к ис-

---

²⁰⁴ Thom R. Modèles mathématiques... — Op.cit. P. 24.

²⁰⁵ Ibid. P 25.

²⁰⁶ См., в частности: *Watzlawick & al.* Op.cit. Chapitre VI.

чезновению. Интересуясь неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, «*fracta*», катастрофами, прагматическими парадоксами, постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, несладимого, парадоксального развития. Она меняет смысл слова «знание» и говорит, каким образом это изменение может происходить. Она производит не известное, а неизвестное. И она внушает модель легитимации, не имеющую ничего общего с моделью наибольшей результативности, но представляющую собой модель различия понимаемого как паралогия²⁰⁷.

Как об этом хорошо сказал специалист в теории игр, труды которого имеют ту же направленность: «В чем же польза от этой теории? Мы считаем, что теория игр — как и любая разработанная теория — полезна тем, что порождает идеи»²⁰⁸. Со своей стороны П.Б. Медавар²⁰⁹ говорил, что «иметь идеи — это высшее достижение для ученого», не существует «научного метода»²¹⁰, а ученый — это прежде всего тот, кто «рассказывает истории», но потом должен их проверять.

---

²⁰⁷ «Нужно различать условия производства научного знания от самого производимого знания; сделать неизвестным известное, а потом реорганизовать это незнание в независимую символическую метасистему. ..Специфика науки состоит в ее непредсказуемости.» (*Breton Ph. Pandore. N°3. Avril 1979. P.10*).

²⁰⁸ *Rapoport A. Théorie des jeux à deux personnes. Paris: Dunod, 1969. P. 159.*

²⁰⁹ *Medavar P.B. The Art of the Soluble. London: Methuen, 6 éd., 1967. Chap. «Two Conceptions of Science», «Hypothesis and Imagination».*

²¹⁰ Фейерабендт объясняет это, опираясь на пример Галилея, и оспаривает как «анархизм», так и эпистемологический «дадаизм», выступая против Поппера и Лакатоса. (*Feyerabend P. Against Method. London: NLB, 1975.*)

глава 14

легитимация через паралогию

Примем теперь решение, что данные по проблеме легитимации знания на сегодняшний день представлены достаточно для решения нашей задачи. Обращение к великим рассказам исключено; и мы не можем прибегать ни к диалектике Духа, ни к эмансипации человечества как оправданию постмодернистского научного дискурса. Но, как мы только что видели, «маленький рассказ» остается образцовой формой для творческого и, прежде всего, — научного воображения²¹¹. С другой стороны, принцип консенсуса как критерия законности тоже кажется недостаточным. Или же он является соглашением между людьми как учеными умами и сво-

---

²¹¹ В рамках данного исследования мы не имели возможности проанализировать форму, которую принимает возврат рассказа в легитимирующий дискурс: открытая систематика, локальность, антиметод и т. п. — то, что мы объединили здесь под именем паралогии.

бодными волями и получен посредством диалога. Именно эту форму мы находим в развитом виде у Хабермаса. Однако эта концепция покоится на законности рассказа об эмансипации. Или же система использует его как одну из своих составляющих в целях поддержания и улучшения результативности²¹². Необходим объект административных процедур, в смысле Лумана. Таким образом, рассказ может быть только средством для достижения настоящей цели — той, что легитимирует систему — производительности.

Проблема, следовательно, в том, чтобы знать, насколько возможна легитимация, основанная на одной только паралогии. Нужно развести собственно паралогию и инновацию: последняя заказывается или, во всяком случае, используется системой для увеличения своей эффективности, а первая — прием, значение которого часто сразу не признается, и который применяется в прагматике знания. На самом деле, часто (но не обязательно) одно трансформируется в другое, что не всегда расстраивает гипотезу.

Если исходить из описания научной прагматики (глава 7), то акцент в дальнейшем нужно ставить на раз-

---

²¹² Нора и Минк, например, приписывают успехи, достигнутые Японией в области информатики, «интенсивности социального консенсуса», который они считают свойственным японскому обществу (op.cit. P. 4.). В заключении к своей книге они пишут: «Общество, к которому она [динамика широкой социальной информатизации] привела, является неустойчивым: построенное для стимулирования выработки консенсуса, оно предполагает его существование и блокируется, если не удастся его достичь» (op.cit. P. 125). И. Стурдзе в статье, цитированной нами выше, настаивает на современной тенденции к дерегуляции, дестабилизации, ослаблению управления, которая усиливается утратой доверия общества в эффективность государства.

ногласиях. Консенсус — это горизонт; он всегда недостижим. Исследования, проводимые под эгидой парадигмы²¹³, стремятся сгладить разногласия; они похожи на разработку одной «идеи»: технологической, экономической или художественной. Но удивляет то, что всегда приходит кто-то, чтобы расстроить «разумный» порядок. Нужно предположить существование силы, которая дестабилизирует объяснительные возможности и проявляется в предписании мыслительных норм или, если угодно, в предложении новых правил научной языковой игры, очерчивающей новое исследовательское поле. Процесс, названный Томом «морфогенез», обнаруживается в научном поведении. Он тоже подчиняется правилам (существуют классы катастроф), но его детерминация всегда локальна. Перенесенная на научную дискуссию и помещенная во временной перспективе, эта особенность выражается в непрогнозируемости «открытий». По отношению к идеалу прозрачности, она является фактором образования затемнений, отодвигающих момент консенсуса на более позднее время²¹⁴.

Это уточнение ясно показывает, что теория систем и предлагаемый ею тип легитимации не имеют под собой никакой научной базы: во-первых, наука не функционирует сама собой в собственной парадигме, согласно принятой в этой теории парадигме систем, а во-вторых, общество не может быть описано по этой парадигме в терминах современной науки.

---

²¹³ В смысле Куна (Op.cit.).

²¹⁴ Помиан в своей статье (art.cit.) показывает, что такое (катастрофическое) функционирование не имеет ничего общего с гегелевской диалектикой.

Рассмотрим в этой связи два важных пункта аргументации Лумана. Пункт первый: с одной стороны, система может функционировать только сокращая сложность, а с другой — она должна порождать приспособляемость ожиданий (*expectations*) индивидов к собственным целям²¹⁵. Сокращение сложности требуется компетенцией системы для роста производительности. Если бы все сообщения могли свободно циркулировать между всеми индивидами, то большой объем информации, которую нужно принимать в расчет, чтобы сделать правильный выбор, существенно увеличил бы срок решения, а следовательно — снизил бы результативность. Действительно, скорость является составляющей производительности ансамбля.

Мы отказываемся от необходимости принимать в расчет эти «молекулярные» мнения, если не хотим подвергаться опасности крупных потрясений. Луман отвечает, — и это второй пункт — что можно управлять личностными ожиданиями посредством процесса «квазинаучения» «неподверженного каким-либо потрясениям», чтобы ожидания стали совместимы с решениями системы. Эти последние существуют не для того, чтобы удовлетворять ожиданиям: нужно, чтобы ожидания стре-

---

²¹⁵ «Легитимация решений заключается, главным образом, в аффективном процессе научения, не подверженного всяким пертурбациям. Это один из аспектов более общего вопроса: как изменяются ожидания, как политико-административная подсистема может перестроить ожидания общества с помощью каких-то решений, тогда как она всего лишь подсистема? Этот сегмент не может оказать эффективного воздействия, если не сможет сформировать новые ожидания в других существующих системах, будь то личности или социальные системы» (*Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Loc. cit. P. 35*).

мились к этим решениям или, как минимум, к их последствиям. Административные процедуры заставят индивидов «хотеть» того, что нужно системе для ее результативности²¹⁶. Можно видеть, какое применение может получить и получит техника телекоммуникации и информатики в такой перспективе.

Идея, что контроль и господство контекста сами по себе имеют ценность, не лишена определенной убедительности — это лучше, чем их отсутствие. Критерий перформативности имеет свои «преимущества». Система, в принципе, исключает привязку к метафизическому дискурсу, она требует отказа от вымыслов, для нее необходим ясный ум и холодная воля, она ставит на место определения сущностей расчет интеракций; «игроки» должны взять на себя ответственность не только за высказывания, предлагаемые ими, но и за правила, которым они подчиняют эти высказывания, чтобы сделать их приемлемыми. Она ясно показывает прагматические функции знания, если только они имеют вид подчиняющихся критерию эффективности: прагматику аргументации, приведения доказательства, передачи известного, научения воображению.

Система вносит свой вклад в развитие всех языковых игр (даже если они не освобождают от канонического знания), в познание этих игр; она стремится перевернуть повседневный дискурс в своего рода метадискурс: обыденные высказывания проявляют склонность

---

²¹⁶ Можно встретить формулировку этой гипотезы в более ранних исследованиях: *Riesman D. The Lonely Crowd. Cambridge (Mass.): Yale U.P., 1950; Whyte W.H. The Organization Man. N.Y.: Simon & Schuster, 1956; Marcuse G. One Dimensional Man. Boston: Beacon, 1966.*

цитировать самих себя и различные прагматические положения, которые нужно все же косвенно соотносить с затрагивающим их актуальным сообщением²¹⁷. Она может внушить, что проблемы внутренней коммуникации, которые встречается в своей работе научная коммуникация, когда ломает и переделывает свои языки, имеют природу, сравнимую с природой социального сообщества, когда то, лишенное культуры рассказов, должно найти доказательства его коммуникации с самим собой и, тем самым, задаться вопросом о легитимности решений, принятых от его имени.

Система даже может — рискуя произвести скандал — относить к своим преимуществам свою прочность. В рамках критерия производительности запрос (т. е. форма предписания) не извлекает никакой легитимности из того, что он происходит от страдания, причиняемого неудовлетворенной потребностью. Право приходит не от страдания, а от того, насколько его излечение делает систему более эффективной. Потребности наиболее обездоленных принципиально не должны служить регулятором системы, поскольку способ их удовлетворения уже давно известен и, следовательно, не может улучшить ее результативность, а только утяжелит затраты. Единственное противопоказание: неудовлетворенность может дестабилизировать ансамбль. Против своей воли, насильно, система вынуждена применяться к слабости. Но ей свойственно порождать новые запросы, которые как предполагается

---

²¹⁷ Ж. Рей-Дебове (op.cit. P. 228sq) отмечает рост знаков косвенной речи или анонимной коннотации в современном повседневном языке. Однако он напоминает: «косвенная речь ненадежна».

должны приводить к переопределению норм «жизни»²¹⁸. В этом смысле система представляется некоей авангардистской машиной, которая тащит человечество за собой, обесчеловечивая его, чтобы потом вочеловечить на другом уровне нормативной производительности. Технократы заявляют, что не могут доверять тому, что общество обозначает как свои потребности. Они «знают», что само общество не может их знать, потому что потребности — это переменные, зависимые от новых технологий²¹⁹. В этом гордость лиц, принимающих решения, и их слепота.

Эта «гордость» означает, что они идентифицируют себя с социальной системой, понимаемой как целостность, которая находится в поиске своей как можно более перформативной части. Если мы повернемся теперь к научной прагматике, то она нам в точности покажет, что такая идентификация невозможна: ни один ученый в принципе не может воплощать знание и игнорировать «потребности» исследования или ожидания исследователей под предлогом того, что они не являются пер-

---

²¹⁸ Как писал Ж. Кангием, «человек только тогда здоров, когда способен на многие нормы, когда он более, чем нормален» (*Canguihem G. Le normal et le pathologique* (1951) // *La connaissance de la vie*. Paris: Hachette, 1952. P. 210).

²¹⁹ Э.Э. Давид отмечает (art.cit.), что общество может узнать о потребностях, которые оно испытывает в современном состоянии, только от своего технологического окружения. Для фундаментальной науки характерно открывать неизвестные свойства, которые могут изменить модель технологической среды и сформировать непредвиденные потребности. Он приводит пример использования твердых материалов для усиления и развития физики твердых тел. Такая «негативная настройка» социальных интеграций и потребностей по современному техническому объекту критиковалась Р. Жоленом (*Jaulin R. Le mythe technologique* // *Revue de l'entreprise*. N°26, mars 1979. P. 49-55). Автор рецензирует рабо-

формативными для «науки» как целостности. Нормальный ответ исследователя на запрос скорее таков: «Нужно посмотреть. Расскажите о вашем случае»²²⁰. Даже в принципе он не предусматривает ни что дело уже решено, ни что эффективность «науки» может пострадать от такого пересмотра. Скорее наоборот.

Конечно, в реальности не всегда все происходит таким образом. Мы не принимаем в расчет ученых, чьи «приемы» были проигнорированы или задавлены иногда на протяжении десятилетий, поскольку они слишком сильно дестабилизировали достигнутые позиции не только в университетской или научной иерархии, но и в проблематике²²¹. Чем сильнее «прием», тем больше вероятность отказа в минимальном консенсусе, именно в силу того, что он изменяет правила игры, по которым консенсус был получен. Но когда научное учреждение функционирует таким образом, то оно ведет себя как обыкновенная власть, поведение которой отрегулировано на гомеостазис.

Такое поведение является террористическим, как и поведение системы, описанной Луманом. Под террором понимается эффективность, полученная от уничтожения или угрозы уничтожения партнера, вышедшего из

ту: *Haudricourt A. G. La technologie culturelle, essai de méthodologie // Histoire des techniques / Gille B. (éd.). Loc.cit.*

²²⁰ Медавар (op.cit. P. 151-152) противопоставляет стили письменной и устной речи ученых. Первый должен быть «индуктивным», если не хочет пройти незамеченным, второй — содержит целый список выражений такого рода, как «*My result don't make a story yet*», которые можно часто услышать в лабораториях. Он делает вывод: «*Scientists are building explanatory structures, telling stories...*».

²²¹ Наиболее известный пример такого рода описан в: *Feuer L.S. The Conflict of Generations (1969)*. Как подчеркивает в своем предисловии к французскому изданию этой книги Московиси, «От-

языковой игры, в которую с ним играют. Партнер будет молчать или выражать одобрение, не потому что его опровергли, а потому что его угрожают отлучить от игры (существует много видов лишения прав). Гордость лиц, принимающих решения, которым в принципе не существует эквивалента в науке, исходит от осуществления такого террора. Система говорит: «Приспосабливайте ваши ожидания к нашим целям, иначе...»²²².

Даже допустимость различных игр поставлена в зависимость от результативности. Переопределение норм жизни заключается в совершенствовании компетенции системы в смысле увеличения производительности. Особенно это заметно при введении технологий телематики: технократы видят в них обещание либерализации и обогащения интеракций между собеседниками, но интересующий их эффект состоит в том, что из этого проистекают новые напряженности в системе, которые будут улучшать ее результаты²²³.

Наука, если только она избирательна, представляет в своей прагматике антимодель устойчивой системы. Любое высказывание нужно удерживать только тогда,

носительность родилась в «академии» случая, образованной друзьями, из которых ни один не был физиком: только инженеры и философы-любители». (t.f. Einstein et le conflit des générations. Bruxelles: Complexe, 1979.)

²²² Это парадокс Оруэлла. Бюрократ говорит: «Мы не будем довольствоваться ни негативным подчинением, ни даже самым низким послушанием. Когда в конце-концов вы придете к нам, вы сделаете это добровольно» (*Orwell*. 1984. N.Y.: Harcourt&Brace, 1949). В языковой игре этот парадокс принимает форму: «Будь свободен» или еще «Желай, что ты желал». Он проанализирован в: *Watzlawick & al.* Op.cit. P. 203-207; *Salanski J.M.* Genèses «actuelles» et genèses «sérielles» de l'inconsistant et de l'hétérogène // *Critique*. N°379, décembre 1978. P. 1155-1173.

²²³ См. описание у Нора и Минка (op.cit. Présentation) напря-

когда оно содержит отличие от известного ранее и поддается аргументации и доказательству. Она является моделью «открытой системы»²²⁴, в которой релеванность высказывания заключается в том, что оно «дает рождение идеям», т. е. другим высказываниям и другим правилам игры. В науке существует общий метаязык, на который могут быть переписаны все другие языки и в котором они могут быть оценены. Именно это препятствует идентификации с системой и, в конечном счете, террору. Расслоение на принимающих решения и исполнителей, если только оно существует в научном сообществе (а оно существует), относится не к научной прагматике, а к социо-экономической системе. Оно является одним из основных препятствий развитию воображения в познании.

В обобщенном виде вопрос о легитимации превращается в вопрос об отношении между антимodelью, представленной научной прагматикой, и обществом. Применима ли она к образующим общество необъятным облакам языковой материи? Или же остается ограниченной игрой познания? А если да, то какова ее роль в отношении социальной связи? Недостижимого идеала открытого сообщества? Необходимой составляющей подгруппы решающих лиц, принимающих для общества критерий результативности, который они отказываются признавать в отношении самих себя? Или наоборот: отказ от сотрудничества с властями и переход к

женности, которая не замедлила появиться во французском обществе с массовой информатизацией.

²²⁴ См. прим. 181, а также дискуссию по концепту «открытая системность» в работах: *Watzlawick & al.* Op.cit. P. 117-148; *Salanskis J.M.* Le systématique ouvert. 1978.

контркультуре с риском исчезновения какой-либо возможности вести исследования из-за отсутствия кредитов²²⁵?

С самого начала нашего исследования мы подчеркивали не только формальную, но и прагматическую разницу между различными языковыми играми, в частности: денотативными и познавательными, прескриптивными и действиями. Научная прагматика фокусируется на денотативных высказываниях, именно тут она дает место для учреждения институций познания (институтов, центров, университетов и пр.). Но постмодернистское ее развитие выдвигает на передний план решающий «факт»: обсуждение даже денотативных высказываний требует соблюдения правил. Однако правила являются не денотативными, а прескриптивными высказываниями, которые, во избежание путаницы, лучше называть метапрескрипциями (они предписывают какими должны быть приемы языковой игры, чтобы быть допустимыми). Дифференцирующая деятельность, или воображение, или паралогия, в современной научной прагматике имеет функцией порождать такие метапрескрипции («предпосылки»²²⁶) и требовать, чтобы партнеры взаимообразно их принимали. Единственной легитимацией, которая в конечном счете обеспечивает принятие такого требования, является то, что это дает возможность производить новые идеи, т. е. новые высказывания.

---

²²⁵ После отделения церкви от государства Фейсрабенд (op.cit.) потребовал, в том же «светском» духе, отделения науки от государства. А как же с отделением Науки от Денег?

²²⁶ По крайней мере, это один из способов понять, что означает этот термин, относящийся к проблематике О. Дюкро (op.cit.).

Социальная прагматика не обладает «простотой» научной прагматики. Это чудище, образованное наложением сетей гетероморфных классов высказываний (денотативных, прескриптивных, перформативных, технических, оценочных и т. д.). Нет никаких оснований считать, что можно определить метапрескрипции общие для всех языковых игр, и что один обновляемый консенсус (тот, что в определенные моменты главенствует в научном сообществе) может охватить совокупность метапрескрипций, упорядочивающих совокупность высказываний, циркулирующих в обществе. Сегодняшний закат легитимирующих рассказов: как традиционных, так и «модернистских» (эмансипация человечества, становление Идеи), — связан как раз с отказом от этой веры. Кроме того, именно уграту этой веры начинает восполнять идеология «системы» при помощи своей тотализирующей претензии и, одновременно, она начинает воплощать веру через цинизм своего критерия перформативности.

По этой причине мы считаем неосмотрительным и даже невозможным ориентировать разработку проблемы легитимации в направлении поиска универсального консенсуса²²⁷, как это делает Хабермас, или

---

²²⁷ «Язык функционирует как трансформатор: ...личные знания трансформируются в высказывания, а потребности и чувства — в нормативные ожидания (заповеди или ценности). Такая трансформация устанавливает важное различие, которое отделяет субъективность намерения, желания, удовольствия или боли, с одной стороны, от выражений и норм, претендующих на универсальность, с другой стороны. Универсальность — значит объективность познания и легитимность действующих норм. Такие объективность и легитимность обеспечивают общность (*Gemeinsamkeit*), существенную для становления социального жизненного мира». Мы видим, что прописанная таким образом про-

того, что он называет *Diskurs*, т. е. диалог аргументаций²²⁸.

В действительности это предполагает две вещи. Во-первых, говорящие могут прийти к соглашению по поводу правил или метапрескрипций универсально применимых для всех языковых игр, хотя совершенно очевидно, что эти игры гетероморфны и подразумевают гетерогенные прагматические правила.

Во-вторых, предполагается, что целью диалога является консенсус. Но, анализируя научную прагматику, мы показали, что консенсус — это лишь одно из состояний дискуссии, а не ее конец. Концом ее скорее является паралогия. При таком двойном констатировании (гетерогенность правил, поиск разногласий) исчезает вера, которая еще двигала исследованием Хабермаса, а именно, что человечество как коллективный (универсальный) субъект находится в поиске своей общей эмансипации посредством регулирования «приемов», допустимых во всех языковых играх; и что легитимность

блематика, фиксируя вопрос о легитимности на одном типе ответа — универсальности, с одной стороны, предполагает тождественность легитимации для субъекта познания и для субъекта действия, наперекор кантовской критике, разделяющей концептуальную тождественность, свойственную первому, от идеальной тождественности («сверхчувственной природы»), которая является горизонтом второго; а с другой стороны, — поддерживает консенсус (*Gemeinschaft*) как единственно возможный горизонт жизни человечества. (*Habermas J. Raison et légitimité. Loc.cit. P. 23-24.*)

²²⁸ Ibid. P. 22. Подчинение метапрескрипций прескрипции, т. е. нормализация законов, явно просматривается в *Diskurs*, например, на с. 146 читаем: «Нормативное притязание на законность является само по себе познавательным в том смысле, что всегда предполагает, что оно может быть принято при рациональном обсуждении».

любого высказывания обеспечивается его вкладом в эту эмансипацию²²⁹.

Мы хорошо понимаем, какова функция этого заявления в аргументации Хабермаса против Лумана. *Diskurs* здесь является последним препятствием, поставленным на пути теории стабильной системы. Цель хороша, но аргументы — нет²³⁰. Консенсус стал устарелой ценностью, он подозрителен. Но справедливость к таким не относится. Следовательно, нужно идти к идее и практике справедливости, которая не была бы привязана к консенсусу.

Признание гетероморфности языковых игр есть первый шаг в этом направлении. Оно, конечно, включает отказ от террора, который предполагает и пытается осуществить изоморфная структура. Следующим является такой принцип: если достигнут консенсус по поводу правил, определяющих каждую игру, и допустимых в ней «приемов», то этот консенсус *должен* быть локальным, т. е. полученным действующими ныне партнерами, и подверженным возможному расторжению. Мы направляемся, следовательно, к множественности конечных метааргументов, под которыми мы понимаем аргументы, направленные на метапрескрипции и ограниченные в пространстве и времени.

Это направление соответствует эволюции социальных взаимодействий, где временный контракт на

---

²²⁹ Ж.Кортиан (*Kortian G. Métacritique. Paris: Minuit, 1979. Partie V*) критически анализирует этот аспект *aufklären* мысли Хабермаса. См. того же автора: *Discours philosophique et son objet//Critique, 1979.*

²³⁰ *Poulain G. Art.cit. (см. примеч.28); о более общей дискуссии о прагматике Серла и Гелена см.: Poulain G. Pragmatique de la parole et pragmatique de la vie//Phi zéro. N°7, septembre 1978. Université de Montréal. P. 5-50.*

деле вытесняет постоянные установления в профессиональных, аффективных, сексуальных, культурных, семейных, международных областях, в политических делах. Конечно, эта эволюция двусмысленна: ведь временный контракт поощряется системой по причине его большой гибкости, минимальной стоимости и сопровождающей его бурной мотивации — всех тех факторов, которые дают наилучшую оперативность. Во всяком случае, речь не идет о том, чтобы предложить «чистую» альтернативу системе, но мы, живущие в конце 70ых, знаем, что она будет на нее похожа. Нужно порадоваться, что тенденция к временному контракту двусмысленна: она служит не одной только конечной цели системы, но система ее терпит, поскольку она [эта тенденция] несет в себе другую конечную цель — познание языковых игр как таковых и решение взять на себя ответственность за их правила и результаты, важнейшим из которых станет результат, который оправдывает применение этих правил, — исследование паралогии.

Что же касается информатизации общества, то теперь мы видим, как она влияет на эту проблематику. Она может стать «желанным» инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания, и управляться исключительно принципом перформативности. Но тогда она неизбежно приведет к террору. Она может также служить группам, обсуждающим метапрескрипции, и дать информацию, которой чаще всего не хватает лицам, принимающим решения, чтобы принять его со знанием дела. Линия, которой нужно следовать, чтобы заставить свернуть в этом последнем направлении, в принципе, очень проста: нужно, чтобы доступ к носителям памяти

и банкам данных стал свободным²¹. Языковые игры станут тогда играми с исчерпывающей на данный момент информацией. Но это будут игры не с нулевым итогом, а потому дискуссии не рискуют навсегда остановиться на позиции минимального равновесия, исчерпав все ставки. Ибо сами ставки тогда будут формироваться через знания (информацию, если угодно), а запас знаний, также как и запас языка возможных высказываний, неисчерпаем. Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретает свои очертания.

---

²¹ См.: *Tricot & al.* Informatique et libertés. Rapport au gouvernement/Documentation française, 1975; *Joinet L.* «Les pièges liberticides» de l'informatique//Le Monde diplomatique. N°300, mars 1979 (автор говорит о ловушках, в которые попадает «применение техники «социального профиля» к управлению народными массами; о логике безопасности, порождающей автоматизацию общества»). См. также аналитические материалы и документы, собранные в журнале «Interférences», N°1, (hiver 1974) и N°2 (printemps 1975), тема которых установка популярных сетей мультимедийной коммуникации; радиолюбители (в частности, их роль в Квебеке во время дела *FLQ* в октябре 1970 года и дела «Общего фронта» в мае 1972); радиообщества в США и Канаде; столкновение информатики и условий редакционного труда в прессе; радиопиратты (до их распространения в Италии); административные картотеки; монополия *IBM*; информационный саботаж. Интересен случай муниципалитета Ивердона (Кантон де Во). После того, он как проголосовал за покупку компьютера (намеченную на 1981 год), были приняты ряд правил: в исключительном ведении муниципалитета остается решение, какие на нем данные будут накапливаться, кому и при каких условиях они будут передаваться; свободный (но платный) доступ к данным всем желающим по их запросу; право каждого гражданина ознакомиться с относящимися к нему данными (порядка пятидесяти карточек), вносить в них исправления и направлять на их основании жалобы в муниципальный и, при необходимости, в государственный совет; право каждого гражданина знать (по запросу) какие относящиеся к нему данные и кому были переданы (см.: «La semaine media», N°18, 1 mars 1979. P. 9).

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор

и макет обложки:

Бондаренко А.

Лютар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. с фр.
Н.А. Шматко — М.: Институт экспериментальной
социологии; Спб.: Алетейя, 1998. — 160 с. (серия
«Gallicinium»)

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д. 27

Телефон: (812) 277-2119

Факс: (812) 277-5319

Сдано в набор 04.09.1997. Подписано в печать 10.05.1998. Формат
84×108 ¹/₃₂. Объем 5 п.л. Тираж 2000 экз. Заказ № 3684

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии
«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

Jean-FranHois LYOTARD

la condition postmoderne

ALLICINI M

Жан-Франсуа ЛЮТАР

СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА

МЛЕТИЈА